

18+

Хэлен Аморе

ПЕПЕЛ МНЕМОЗИНЫ

За каждым фасадом скрывается тайна

Хэлен Аморе

**Пепел Мнемозины. За каждым
фасадом скрывается тайна**

«Издательские решения»

Аморе Х.

Пепел Мнемозины. За каждым фасадом скрывается тайна /
Х. Аморе — «Издательские решения»,

Бывший следователь, а ныне психопатолог Марина Корнева получает задание внедриться в элитный ЖК. Официально — провести аудит персонала. Неофициально — найти «крота». Но настоящая тайна скрывается на седьмом этаже, где хозяин агентства, циничный Дмитрий Кротов, прячет девушку. Марина уверена, что раскрыла преступление, но правда оказывается страшнее и сложнее: это история любви, вины и спасения, где дым прошлого грозит задушить всех. Сможет ли она спасти пленницу, не разрушив себя?

Содержание

ПЕПЕЛ МНЕМОЗИНЫ	6
Глава 1. Кандидат наук на побегушках	7
Глава 2. Предложение, от которого не отказываются	14
Глава 3. Стекланный улей	20
Глава 4. Пожар в машине времени	28
Глава 5. Хозяин «Силуэта»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пепел Мнемозины За каждым фасадом скрывается тайна

Хэлен Аморе

© Хэлен Аморе, 2026

ISBN 978-5-0069-8540-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕПЕЛ МНЕМОЗИНЫ

«Посвящается женищинам, которые знают, что за фасадом всегда есть тайна»

Глава 1. Кандидат наук на побегушках

Коридор отдела кадров Главного управления МВД напоминал пищевод гигантского животного — узкий, длинный, выложенный казённой плиткой цвета топлёного молока. Марина Корнева сидела на жёстком пластиковом стуле, придвинутом к стене, и чувствовала, как сквозняк из распахнутой в конце коридора форточки методично выстуживает спину. Ноябрьский ветер, насквозь промокший снегом с дождём, находил любую щель и дул с таким упорством, словно пытался доказать: здесь никто не хозяин.

Она ждала уже сорок минут. За это время мимо прошли три человека в форме — двое майоров с папками и полковник, даже не взглянувший в её сторону. Марина знала их всех. Знала, что у майора Сухова проблемы с поджелудочной (отёкшее лицо, запах ферментов из рта), что второй, с протоколами, перекладывает бумаги так, будто боится уронить, — значит, внутри что-то ценное, возможно, вещдок или личное дело, с которым не хотят связываться. Полковник же вообще шёл, глядя в телефон, и его воротник был расстёгнут — признак либо сильной усталости, либо того, что он уже выпил на обеде, но не перебрал. Впрочем, Марина тут же одёрнула себя: ты не на работе, не в кабинете, ты просто человек на стуле.

Акт о проведённых тренингах должны были подписать ещё вчера. Но начальник отдела кадров полковник Сазонов сначала уехал на совещание, потом забыл, потом его помощница сказала перезвонить. Марина перезванивала трижды. В последний раз ей ответили: «Приезжайте через час, Игорь Сергеевич будет». И вот она сидит, впитывая спиной сквозняк, и ждёт, когда кто-то вспомнит, что психолог, которого они сами же нанимали для проведения аттестации личного состава, ещё не получила подпись, а без подписи не будет оплаты. Деньги — та самая низменная материя, о которой не принято говорить в коридорах МВД, но от которой зависит, сможет ли она купить корм для Оскара до конца месяца.

— ...я тебе говорю, он просто висел. Без предсмертки, без ничего. Мать сказала, что вечером звонил, нормальный был.

Марина подняла глаза. Двое молодых оперов в расстёгнутых кителях курили у окна, приоткрыв створку, и дым от сигарет смешивался с сырым воздухом. Тот, что говорил, — сержант с веснушками и обгрызенным ногтем на большом пальце, — стряхнул пепел прямо на пол, не глядя.

— Третий за полгода, — ответил второй, постарше, с наголо бритой головой. — И все в одном районе. Умелые ребята, а туда же. Странно это.

— Может, зараза какая, — хмыкнул сержант, но без особого цинизма, скорее от растерянности. — Психика не выдерживает.

— Психика — это к Корневой, — кивнул бритый в сторону Марины, и оба посмотрели на неё, но без приветствия, как на мебель, которая вдруг ожила. — А что, Марина Валерьевна, вы бы их посмотрели. Может, там правда крыша едет?

Она не стала поправлять, что её отчество — Андреевна. Смысла не было. Она вообще здесь чужая. Психолог на аутсорсинге, кандидат наук, которая бегаёт с тренингами по районным отделам и пишет заключения, которые потом никто не читает. Марина поднялась, поправила китель — он был её собственным, с погонами капитана, купленными в военторге, потому что выданные когда-то давно потерялись в процессе развода, — и сказала ровно:

— Если будут официальные запросы — я посмотрю.

— Да какие запросы, — махнул рукой бритый. — У нас начальник сказал: статистика, и всё. Спишут на личные обстоятельства. Семья, депрессия.

Он затанулся, выпустил дым в форточку и вдруг добавил, понизив голос:

— А один из них, Костя Лушников, он за неделю до того ко мне заходил. Спрашивал, можно ли получить данные по одному старому делу. Году в 2014-м что-то там горело. Я сказал — через архив, запрос. Он только кивнул и ушёл. А через три дня — в петле.

Марина почувствовала, как что-то ёкнуло в области солнечного сплетения. Старое дело, пожар. У неё не было фактов, только профессиональная привычка собирать детали, но сейчас она сказала себе: это не твоё расследование. Ты здесь, чтобы получить подпись. Не лезь.

— Он повесился в форме, — добавил сержант. — Это же не просто так, да? Психиатры говорят, что в форме редко вешаются. Символизм какой-то.

— Не надо символизма, — оборвал его бритый, заметив, что из кабинета вышла секретарша. — Давай, закрыли тему.

Они погасили сигареты, и коридор снова затих, только ветер гудел в вентиляционной решётке, и где-то далеко хлопала дверь.

Марина осталась одна. Она смотрела на дверь кабинета Сазонова, за которой сейчас, вероятно, пили чай и обсуждали планы на вечер. Ей хотелось встать, войти и сказать: «Игорь Сергеевич, я жду уже сорок пять минут. Акт подписывается за пять секунд. Давайте закончим». Но она знала, что если сделает это, то потом будет ещё два часа объяснений, почему она такая нервная, и следующую аттестацию отдадут другому психологу. А ей нужны эти подряды. Нужны, потому что ипотека — бывшего мужа, но с её подписью — не прощает.

Она вытащила телефон. Уведомлений от банка не было, но это не значило, что их не появится завтра. Просрочка накопилась на три месяца. Муж, Андрей, после развода уехал в другой город, женился снова, и его адвокат прислал письмо: «Мой клиент не имеет возможности погашать кредит, так как квартира осталась в пользовании истца». Истец — это она. Квартира, в которой она не живёт, потому что не может платить, но продать её без согласия бывшего мужа тоже не может, потому что суд ещё не разделил имущество. А суд не может разделить, потому что Андрей не приходит на заседания, ссылаясь на командировки. Замкнутый круг, в котором она, психолог, специалист по кризисам, барахталась уже полтора года.

В дверях кабинета показалась секретарша — полная женщина с укладкой, которая выглядела так, будто её делали на прошлой неделе и с тех пор не трогали.

— Марина Андреевна? — произнесла она с таким видом, будто имя вспомнила под давлением. — Игорь Сергеевич вас ждёт. Заходите.

В кабинете пахло кофе и перекисью водорода — Сазонов, видимо, обрабатывал царапину, потому что на его левой руке белела полоска бинта. Он сидел за столом, заваленным папками, и листал какой-то отчёт, не глядя на вошедшую.

— Садитесь, — бросил он, кивнув на стул. — Акт... сейчас.

Он нашёл нужную бумагу, повертел в руках, но подписывать не спешил. Посмотрел на Марину — впервые, кажется, за все время их взаимодействия — и спросил:

— Вы вчера были в отделе на Южной? Тренинги проводили?

— Да. Всё в рамках контракта.

— И как? — он отложил ручку и откинулся на спинку. — Есть что-то, о чём стоит доложить?

Марина знала этот приём. Начальник, который внезапно начинает интересоваться, обычно ищет не аналитику, а повод либо отчитаться перед своим начальством, либо подстраховаться. Она ответила ровно:

— Общий уровень тревожности в отделе повышен. Три суицида за полгода в одном территориальном подразделении — это статистически значимая аномалия. Я рекомендовала бы провести дополнительное психологическое обследование сотрудников, работающих на этом участке, и проверить, не связаны ли эти случаи с профессиональной деятельностью.

Сазонов поморщился.

— Вы же знаете, Марина Андреевна, на это нет ни бюджета, ни времени. У нас каждый сотрудник на счету.

— Тогда пусть хотя бы соберут комиссию. Я могу подготовить аналитическую записку.

— А вы не слишком... — он запнулся, подбирая слово, — увлекаетесь? Вы нам тренинги проводите, а не расследования. На то есть СК.

Марина промолчала. Она знала, что сейчас скажет что-нибудь резкое — про то, что три самоубийства молодых парней, которые не оставили предсмертных записок и не имели видимых причин, — это не просто «увлекаться», а это профессиональная слепота. Но вместо этого она просто сложила руки на коленях и сказала:

— Я напишу записку в общем порядке. Решать вам.

Сазонов наконец подписал акт, протянул его ей и уткнулся в телефон, давая понять, что аудиенция окончена.

В коридоре Марина сложила документ в папку, чувствуя, как ноет поясница — от сквозняка и долгого сидения. На выходе она столкнулась с бритым оперативником, который курил у окна.

— Ну что, Марина Андреевна, — сказал он, почему-то запомнив отчество, — будет официальный запрос или так и будем гадать?

— Не от меня это зависит, — ответила она, поправляя воротник кителя. — Вы, если что-то узнаете, дайте знать.

Он кивнул, и она вышла на улицу, где ноябрьский вечер уже окончательно съел свет, оставив вместо него фонари, размытые в мокром снегу.

Автобус шёл медленно, останавливаясь на каждом светофоре, и Марина смотрела в окно на спальные районы, где окна уже горели жёлтым, а кое-где синим — телевизоры. Она думала о том, что двадцать лет назад, когда поступала в академию МВД, всё виделось иначе. Тогда она была уверена, что будет следователем по особо важным делам, что её аналитический ум и способность видеть людей насквозь помогут раскрывать самые запутанные преступления. Она защитила кандидатскую по судебной психологии, написала диссертацию о посттравматических стрессовых расстройствах у сотрудников, работающих в зонах вооружённых конфликтов. А потом... Потом оказалось, что в системе нет места для психолога с амбициями. Есть место для того, кто проводит тренинги, пишет справки и вовремя сдаёт отчёты. Она попробовала вернуться в следствие, но там её встретили с недоумением: «У вас же учёная степень, вам не к нам». И так она оказалась на побегушках — кандидат наук, который ждёт подписи в коридоре, потому что иначе не заплатят.

Автобус дёрнулся, затормозил, и она вышла на своей остановке. Район, где она снимала квартиру, назывался «спальником» ещё с советских времён: пять панельных пятиэтажек, детский сад, школа и магазин с вечно пустыми полками молочной продукции. Снег превращался в жижу под ногами, и Марина пожалела, что не надела берцы — в форменных туфлях было скользко и холодно.

В подъезде пахло капустой и кошачьей мочой — вечные запахи хрущёвок. Лифта не было, и она поднялась на третий этаж, стараясь не касаться перил. На площадке горела тусклая лампочка, которая мигала, словно подавала сигнал SOS. Квартира номер двенадцать — дверь, обитая дерматином, с почтовым ящиком, из которого торчала реклама пиццы.

Не успела она вставить ключ в замок, как дверь напротив приоткрылась, и в щели показалось лицо соседки, Галины Петровны, женщины лет семидесяти с жидкими седыми волосами и постоянно встревоженным взглядом.

— Марина Андреевна, это вы? А я слышу, шаги. Думала, может, опять ко мне ломятся.

— Добрый вечер, Галина Петровна, — Марина повернулась к ней, понимая, что быстрого ухода не получится. — Кто к вам ломится?

— Да этот... — соседка кивнула куда-то в сторону квартиры, — Серёжа мой. Пришёл полчаса назад, пьяный, денег просит. Я ему говорю: нет у меня, пенсию только завтра принесут. А он как заорёт, как дверью хлопнет... Думала, полицию вызывать.

— Вызывайте, если что, — сказала Марина. — Это ваше право.

— А что полиция? — горько усмехнулась Галина Петровна. — Приедут, поговорят, уедут. А он вернётся. Он же мой сын, я заявление на него писать не буду.

Марина хотела сказать, что систематическое вымогательство денег у пожилой матери — это состав, и если она не будет писать заявления, то ничего не изменится. Но вместо этого произнесла:

— Позвоните мне, если будет совсем страшно. Я рядом.

Соседка кивнула, поблагодарила и закрылась, оставив за дверью шорох и приглушённый плач.

Марина наконец открыла свою дверь. Квартира встретила её запахом сухого кошачьего корма и старых книг. Она была маленькой: прихожая, в которую едва влезал шкаф, кухня с газовой колонкой, комната с окном во двор. Но здесь было чисто, и здесь её ждали.

— Оскар, я дома, — сказала она негромко, разуваясь и вешая китель на плечики, потому что если бросить его на стул, потом придётся гладить.

Из комнаты выплыла грациозная тень. Оскар — бурма шоколадного окраса, с шерстью, отливающей тёмной медью, и глазами цвета молодой листвы — точь-в-точь как у его сиамских предков, только более мягкий, более домашний. Он подошёл, потёрся о её ноги, издавая глубокое, урчащее мурлыканье, которое всегда действовало на Марину лучше любого антидепрессанта.

— Проголодался? — она наклонилась, провела рукой по его шёлковой спине. Кот выгнулся, подставляя бока, и требовательно мяукнул.

Она прошла на кухню, включила свет. Над раковиной висело маленькое окно, выходящее во двор, где сейчас гулял ветер, раскачивая ветки старого тополя. Батарея была чуть тёплой — управляющая компания сэкономила на отоплении, и в квартире держалось градусов пятнадцать. Марина налила Оскару свежей воды, открыла пакетик корма, выложила в миску. Кот принялся есть, а она поставила чайник, достала из холодильника контейнер с застывшим пловом, который готовила три дня назад.

Пока еда грелась в микроволновке, она села на табурет и вытащила телефон. Уведомлений не было, но она всё равно открыла приложение банка. И увидела.

«Уважаемая Марина Андреевна! Напоминаем, что по кредитному договору №4587-К/15 образовалась просроченная задолженность в размере 48 750 рублей. Во избежание применения штрафных санкций рекомендуем внести платёж до 30 ноября».

Она смотрела на цифры, и внутри неё поднималось не злость — злость требовала энергии, а энергии не было. Было глухое, вязкое чувство, которое она могла бы описать, если бы вела дневник: «когда это уже закончится». Не сегодня, не завтра. Это чувство длилось полтора года, с того момента, как Андрей сказал: «Я уйду, квартира остаётся тебе, но кредит мы платим вместе». А потом перестал платить, и его адвокат нашёл лазейку, и теперь она, капитан полиции, кандидат наук, женщина, которая учила других справляться с кризисами, сидит в съёмной хрущёвке и не знает, как выбраться из долговой ямы.

Микроволновка пикнула. Марина поставила тарелку на стол, села. Плов был пресным, безвкусным, но она ела механически, потому что организм требовал калорий. Оскар, закончив с ужином, запрыгнул на колени, свернулся калачиком и замурлыкал, вибрируя всем телом.

Она гладила его, чувствуя тепло, идущее от шерсти, и думала. Не о кредите — от этих мыслей голова шла кругом. О том разговоре в коридоре. Три самоубийства. Стажёр, который интересовался старым делом о пожаре. И её собственное чувство, что всё это не случайно.

Она поднялась, аккуратно переложив кота на стул, и подошла к книжной полке, где среди учебников по психологии и юридических справочников стояла старая картонная папка. В ней она хранила выписки из диссертации, копии статей и... несколько распечаток криминальной хроники, которые когда-то делала для себя. Зачем? Просто профессиональная привычка собирать данные. Сейчас она вытащила папку, пролистала до раздела «Пожары, нераскрытые дела».

Ничего. Нет. Только выписки из диссертации по посттравматическому синдрому.

Марина закрыла папку и вернулась на кухню. Чайник остыл, она включила его снова. В голове уже строилась схема: узнать номер дела, попросить знакомого в архиве, посмотреть материалы. А зачем? Ты не следователь, ты психолог. И ты уже загнала себя в угол с ипотекой, с одиночеством, с этой работой, которая не приносит ничего, кроме усталости.

Чайник закипел. Она заварила чай, добавила имбирь — единственное, что согревало. Оскар спрыгнул со стула, подошёл к миске, проверил, не появилось ли там чего-нибудь нового, и, убедившись, что нет, устроился на подоконнике, глядя в темноту.

Марина смотрела на кота, на его сосредоточенный профиль, и вспоминала, как купила его три года назад. Тогда она ещё была замужем, жила в двухкомнатной квартире в центре, и у неё был кабинет с видом на парк. Котенка привезла зимой — шоколадный комочек с огромными глазами. Андрей сказал: «Зачем нам эта животина?» А она ответила: «Это мой». И когда они разводились, забрала Оскара с собой, хотя могла оставить всё остальное.

Сейчас кот был единственным существом, для которого она имела значение. Не как психолог, не как эксперт, не как бывшая жена. Просто как человек, который приходит домой и открывает пакетик корма.

Она допила чай, помыла посуду, проверила замок на двери — автоматически, даже не задумываясь. Неплотно закрыта форточка? Проверила. Взгляд скользнул по прихожей, отмечая возможные пути отхода, уязвимые места. Профессиональная привычка, от которой не избавиться. Она сканировала квартиру, как место происхождения: скрип половиц — кто-то может подойти незаметно, ручка входной двери прокручивается — старый цилиндрический механизм, надо менять. Потом одёрнула себя: ты дома, ты не на работе. Здесь нет преступников, нет улик. Есть только ты, кот и завтрашний день, который принесёт новые просрочки и новых людей, которые будут ждать от тебя решений.

Она прошла в комнату, включила торшер — яркий свет резал глаза, лучше оставить мягкий полумрак. На столе лежал ноутбук, открытый на странице с вакансиями: «Требуется психолог в крупную коммерческую компанию. Опыт работы приветствуется. Зарплата от 80 тысяч». Марина закрыла вкладку. Она пробовала. Её не брали — говорили, что «полицейский опыт» не подходит для корпоративной среды. Слишком жёсткая, слишком прямолинейная. Или слишком старая, но этого не говорили вслух.

Она легла на диван, подтянув колени к груди. Оскар спрыгнул с подоконника, подошёл, потоптался на её ногах и устроился на животе, положив голову на её руку. Его урчание разливалось по телу, согревая, успокаивая, но не до конца.

В голове крутились обрывки фраз: «три случая за полгода», «старое дело», «пожар». И ещё — её собственный голос, который она слышала в коридоре МВД: «Я рекомендовала бы провести дополнительное обследование». Никто не проведёт. Бюджета нет, времени нет, начальству всё равно. И трое молодых парней просто исчезнут из статистики, как исчезают все, кто не вписывается в систему.

Она закрыла глаза. Оскар замурлыкал громче, словно хотел заглушить её мысли.

— Когда это закончится? — прошептала она в темноту, и ветер за окном, казалось, на секунду затих, чтобы ответить, но передумал и завыл с новой силой.

Марина лежала, слушая, как гудит вентиляция, как капает вода в ванной, как где-то за стеной соседка Галина Петровна разговаривает сама с собой или с невидимым собеседником. Она думала о том, что её жизнь похожа на эту квартиру — съёмную, холодную, временную. И

что она, психолог, специалист по чужим кризисам, не может помочь самой себе, потому что не знает, с какой стороны подступиться.

В кармане брюк, оставленных на стуле, завибрировал телефон. Марина не пошевелилась. Потом всё же встала, взяла аппарат. Сообщение от незнакомого номера: «Марина Андреевна, это из отдела кадров. Уточните, пожалуйста, ваш график на следующую неделю. Возможно, потребуется выездная аттестация в другом регионе. Если согласны, перезвоните».

Она смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается знакомая усталость. Другой регион — это поезд, командировочные, которые заплатят через месяц, и Оскар, которого придётся оставить соседке. Но это и возможность заработать, закрыть хотя бы часть просрочки.

Она набрала ответ: «Согласна. Жду подробностей».

Отправила. Положила телефон на стол. Оскар уже спал, свернувшись калачиком на её подушке, и его бока мерно вздымались. Марина смотрела на него, и впервые за этот длинный, выстуженный день её лицо расслабилось.

— Ничего, Оскар, — сказала она тихо, — прорвёмся.

Слова прозвучали неуверенно, но кот не возражал. Он только шевельнул ухом, и Марина улыбнулась — первый раз за много дней. Улыбка вышла кривой, усталой, но настоящей.

Она выключила торшер, легла рядом, подоткнув одеяло, и долго смотрела в потолок, где от уличных фонарей дрожали серые тени. Ветер за окном постепенно стихал, мокрый снег прекратился, и в наступившей тишине Марине показалось, что она слышит, как город замирает, готовясь к новой неделе, к новым заботам, к новым потерям.

Она заснула, когда часы на телефоне показали половину первого, и снилось ей что-то про горящую машину, про молодого парня в форме, который стоит у окна и говорит: «А вы не слишком увлекаетесь?». А она отвечает: «Это не увлечение, это работа». И просыпается от того, что Оскар ткнулся носом в её ладонь, требуя завтрак.

За окном начинался новый день. Ноябрьский, серый, без надежды на солнце. Но где-то в глубине, под слоем усталости и пепла, Марина чувствовала — сегодня что-то начнётся. Или, может быть, это просто был голодный кот, который не дал досмотреть сон.

Она встала, налила Оскару корма, поставила чайник и открыла ноутбук. В почте лежало письмо от помощницы Кротова: «Доброе утро, Марина Андреевна. Ждём вас в 10:00 для обсуждения деталей контракта. Адрес прилагаю. Просьба быть в гражданской одежде».

Марина перечитала письмо дважды. Контракт с астрономической суммой, о котором говорили вчера? Она уже почти забыла о том предложении, посчитав его очередным разводом. Но адрес был указан реальный — элитный жилой комплекс на западе Москвы, и подпись внизу: «Наталья Сергеевна, руководитель службы безопасности».

Она посмотрела на Оскара, который умывался после завтрака, и сказала:

— Ну что, похоже, нам светит командировка в другую реальность.

Кот не ответил, только посмотрел на неё своими янтарными глазами и снова принялся за умывание.

Марина пошла в ванную, встала под горячий душ, позволяя воде смыть остатки сна и вчерашней усталости. Она думала о странных самоубийствах, о Кротове, о котором вчера обмолвилась помощница, о том, что её жизнь, кажется, снова разделяется на «до» и «после». Только теперь она не знает, что будет в новой части.

Когда она вышла из душа, в квартире пахло свежим хлебом — соседка Галина Петровна, видимо, уже сходила в магазин и теперь разогревала завтрак. Оскар сидел на подоконнике и смотрел на ворон, которые расселись на ветке тополя.

Марина надела джинсы, тёмный свитер, удобные ботинки. В зеркале в прихожей отразилась женщина лет тридцати восьми — немного уставшая, с чёткой линией скул и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться. Она поправила волосы, собрала их в низкий хвост.

— Ну, Оскар, — сказала она, накидывая пальто, — сегодня или никогда.

Кот проводил её до двери, сел на пороге, глядя, как она завязывает шнурки. В его позе было что-то королевское — бурма шоколадного окраса, потомок священных кошек Бирмы, в съёмной хрущёвке. И в этом был какой-то правильный, хотя и абсурдный, порядок вещей: даже когда всё идёт не так, есть существо, которое смотрит на тебя с достоинством и не задаёт лишних вопросов.

— Я скоро, — пообещала Марина, выходя на лестничную клетку.

В лицо пахнуло холодом и сыростью. Ноябрь продолжал своё серое дело, и мокрый снег снова пошёл, залепляя окна, стирая границы между домами. Марина спустилась по скользким ступеням, толкнула тяжёлую дверь подъезда и вышла на улицу.

Город встретил её шумом шин, запахом бензина и чьим-то смехом из машины, проехавшей мимо. Она достала телефон, проверила маршрут. До «Триумф-Парка» — сорок минут на метро и автобусе, если без пробок. Или на такси — пятнадцать минут, но дорого. Она выбрала метро.

По пути она думала о том, что её жизнь похожа на эти качели: то вниз, в долговую яму, то вверх, к контрактам, которые могут всё изменить. Она уже не верила в чудеса, но верила в профессиональную интуицию. А интуиция подсказывала, что сегодняшняя встреча — не просто работа.

На эскалаторе она закрыла глаза, позволяя потоку воздуха обдывать лицо. В ушах всё ещё гудел ветер, который завывал в вентиляции её съёмной квартиры, но теперь в этом гуле ей слышался другой звук — голос того, кто сказал: «Третий за полгода». И чей-то ответ: «А вы не слишком увлекаетесь?».

— Нет, — прошептала она, открывая глаза, когда эскалатор вынес её на поверхность, и серое небо над головой вдруг показалось не таким безнадёжным. — Это не увлечение. Это моя работа.

Она сделала шаг вперёд, в мокрый снег, в толпу, в неизвестность, и за её спиной остались хрущёвка с мурлыкающим котом, просрочка по ипотеке и трое парней, чьи имена уже начали стираться из ведомостей.

Впереди был «Триумф-Парк». Впереди была новая глава, о которой она пока ничего не знала, но чувствовала — она будет написана не серыми чернилами ноябрьской скуки, а чем-то другим. Может быть, пеплом. Может быть, светом. Кто знает.

Глава 2. Предложение, от которого не отказываются

Утро встретило Марину ветром. Он гулял между высотками «Триумф-Парка» как неприкаянный, создавая странную акустику: где-то внизу, на уровне её плеча, свистело тонко и зло, а наверху, где стеклянные фасады смыкались с небом, звук превращался в низкое, протяжное гудение — словно комплекс гудел сам себе под нос, переваривая ночные секреты. Солнце висело над всем этим великолепием холодное, выбеленное, без намёка на тепло. Оно честно отражалось в миллионах стёкол, но не грело их. Лёгкие обожгло первым вдохом — температура явно ниже заявленных в сводке погоды пяти градусов.

Она шла по идеально выметенной дорожке из светлого, почти белого камня, и каждый шаг отдавался в позвоночнике неприятной вибрацией. Ботинки — старые, разношенные, с толстой рифлёной подошвой, купленные в «Спортмастере» три года назад за пять тысяч рублей, — казались здесь чужеродным артефактом. Словно она принесла на полированную поверхность паркета комок уличной грязи. Дорожки были пусты. В это время — около девяти утра — нормальные жители таких комплексов либо уже умчались на своих «Мерседесах» в бизнес-центры, либо пили смузи на тёплых террасах, скрытых от посторонних глаз живой изгородью.

Взгляд Марины, привыкший сканировать пространство по секторам, цеплялся за детали с профессиональной автоматичностью. Система видеонаблюдения: камеры на каждом столбе освещения, на фасадах, над входом в каждую секцию — с шагом, перекрывающим мёртвые зоны. Хорошая работа. Тот, кто проектировал безопасность, либо имел паранойю, либо знал, что прятать есть что. Консьержи в холле главного здания, которое она миновала по пути к корпусу «В», уже заметили её. Она видела их даже без профессиональной оптики: двое мужчин в ливреях с золотым шитьём, выправка — под стать гвардейцам, взгляды — сквозь неё. Не охрана, нет. Охрана будет оценивать угрозу. Эти оценивали соответствие. Она в их систему не вписывалась. В её кармане лежало приглашение на пропуск, но взгляд старшего консьержа — лет пятидесяти пяти, с холёным лицом и идеальным пробором — говорил яснее любых слов: «Вы здесь временны, вы здесь — функция».

Марина не обижалась. Обида — роскошь, которую она давно вычеркнула из своего обихода, как и спонтанные покупки в супермаркетах, и вечерние звонки подругам, которых, впрочем, никогда и не было. Вместо обиды внутри щёлкнула профессиональная настройка, та самая, что включалась сама собой в незнакомой обстановке, как GPS, начинающий прокладывать маршрут.

«Объект с высоким уровнем закрытости, — констатировал внутренний голос. — Вероятность скрытых камер — девяносто восемь процентов. Социальная стратификация — жёсткая, вертикальная. Персонал отделён от жильцов невидимой, но бетонной стеной».

Она машинально поправила сумку — старую, кожаную, с потёртыми углами, — которая висела на плече, и почувствовала, как внутри неё довольно заворочался Оскар. Она взяла его с собой только до холла, оставив в переноске на время переговоров. В конце концов, кота упоминали в предварительной переписке, и она хотела проверить реакцию на живое животное. Реакция — ещё один индикатор.

Ветер дёрнул её за полу пальто, и она плотнее запахнулась. Пальто — тоже не из этого мира. Добротное, шерстяное, тёмно-синее, купленное на распродаже в прошлом сезоне. На нём не было логотипов, и это был её осознанный выбор. В мире, где статус читается по ярлыку на воротнике, отсутствие ярлыка делает тебя или невероятно богатым, или никем. Она была никем. И это давало странное, почти пьянящее чувство свободы. Её не нужно было вписывать в матрицу их ценностей. Она могла смотреть со стороны.

Но именно здесь, на этой идеально чистой дорожке, между стерильных газонов, подстриженных под линейку, её вдруг накрыло ощущение, которое она не могла сразу определить.

Оно пришло не через разум, а через тело: лёгкий спазм в солнечном сплетении, мимолётное желание прижаться спиной к чему-то тёплому и надёжному.

Эта демонстративная защищённость — камеры, консьержи, высоченные заборы с датчиками движения — вдруг показалась ей не просто архитектурным решением. Это была застывшая в стекле и бетоне мольба. «Не пускайте сюда боль. Не пускайте хаос. Мы заплатили за тишину и безопасность».

И она, женщина, которая всю свою сознательную жизнь строила собственную крепость из кирпичей дисциплины, режима и профессиональной отстранённости, вдруг остро, до ломоты в костяшках пальцев, поняла, что хочет оказаться внутри. Не ради расследования. Не ради астрономической суммы, которую они предлагали. А ради того, чтобы хотя бы на две недели перестать быть той, кто всегда стоит снаружи с ветром в спине. Чтобы войти в этот стеклянный улей, закрыть за собой дверь и почувствовать себя... защищённой.

Она даже остановилась на секунду, поражённая собственной честностью. Вот оно, то самое, от чего она бегала последние пять лет, загружая себя работой, тренировками, бесконечными курсами повышения квалификации. Обычное, банальное желание: чтобы кто-то другой подумал о безопасности, пока она будет просто... дышать.

Но она тут же одёрнула себя. Профессионал не может позволить себе таких желаний. Профессионал смотрит на объект холодно. Она выдохнула, сжала в кулаке ремешок сумки, где замер Оскар, и направилась к корпусу «В», где на третьем этаже располагалось офисное крыло управляющей компании.

Лифт пах кожей. Двери открылись беззвучно, и она ступила в коридор, отделанный светлым деревом. Ковровая дорожка приглушала шаги. Таблички на дверях — матовое стекло, лаконичные надписи: «Отдел эксплуатации», «Служба безопасности», «Финансовый департамент». Номер 317 вёл к надписи «HR-консалтинг. Специальные проекты». Вывеска была новой, блестящей, без единой царапины.

Она нажала кнопку звонка, и дверь открылась практически мгновенно, словно её ждали, прижав ухо к щели.

— Марина Сергеевна? — голос был низкий, с хрипотцой, но не куриной, а какой-то... профессиональной, что ли. Как у людей, которые много и точно говорят, взвешивая каждое слово. — Проходите. Кирилл Александрович будет через пятнадцать минут, я проведу предварительное собеседование.

Женщина, которая стояла на пороге, была её ровесницей — около пятидесяти, но выглядела на сорок с небольшим. Сухая, подтянутая, с короткой стрижкой пепельного цвета, без намёка на краску. Волосы лежали идеально, словно их укладывали не рукой, а циркулем. Лицо — гладкое, с плотной, почти пергаментной кожей, и глаза — светлые, прозрачные, с таким пристальным, разрывающим взглядом, что Марина невольно выпрямила спину.

И тут её кольнуло. Не профессиональным чутьём — оно сработало мгновенно, отметив множество деталей: от идеально чистых, без единой заусеницы, ногтей до запаха — не духов, а лёгкого, едва уловимого аромата изопропилового спирта, смешанного с чем-то цитрусовым. Этот запах она знала слишком хорошо. Он въедался в поры, в волосы, в подкладку халата. Судмедэксперты. Бывшие судмедэксперты.

Марина видела таких женщин в моргах, куда её заносила служба. Они работали с телами так, как она — с документами: без лишних эмоций, с хирургической точностью. Но эта... эта смотрела на неё не как на коллегу. Она смотрела на неё как на объект. Как на препарат под микроскопом.

В приёмной вдруг погас свет на секунду — моргнула люминесцентная лампа. Этого не заметил бы никто, но Марина вздрогнула. Ей показалось, что за стеклянной стеной, в коридоре, кто-то выдохнул. Или это ветер? Но в здании с принудительной вентиляцией ветра не бывает. Пальцы сами сжали ремешок сумки сильнее. Она почувствовала запах — не изопропиловый,

другой. Горелая проводка? Или... палёная плоть? Запах исчез так же быстро, как появился. Кира Вадимовна не обратила внимания. Но Марина поняла: здесь пахнет не только прошлым. Здесь пахнет будущей бедой.

— Присаживайтесь, — женщина указала на кресло напротив стола, а сама села напротив, положив перед собой тонкую папку. Никаких записей, никакой «доброе утро», никакого кофе. Чистая, стерильная деловая этика.

Марина присела, положив сумку с Оскаром на колени. Он затих, чувствуя её напряжение.

— Меня зовут Кира Вадимовна, — представилась она, и в её голосе не было и намёка на улыбку. — Я курирую кадровые вопросы для собственников. Кирилл Александрович Кротов — мой работодатель, он владеет контрольным пакетом управляющей компании. Вам уже сообщили общую информацию?

— В общих чертах, — ответила Марина, выдерживая её взгляд. — Проведение психологического аудита персонала. Снижение текучки. Выявление конфликтных зон.

— Всё верно, — Кира Вадимовна кивнула, и этот кивок был экономным, без лишней амплитуды. — Но я сразу хочу расставить акценты, чтобы не было недопонимания. Текучесть кадров — это вершина айсберга. То, что лежит на поверхности. Нас интересует основание. За последние полгода в комплексе произошло четыре... — она сделала паузу, подбирая слово, — инцидента, которые были заматы службой безопасности.

Она открыла папку и достала один лист, который положила перед Мариной, но не дала в руки, а придержала пальцем. Жест собственнический, контролирующий. Марина успела прочитать заголовок: «Служебная записка. Гриф ДСП».

— Не буду загружать вас деталями до подписания NDA, — продолжила Кира Вадимовна, убирая лист обратно. — Скажу главное: информация о частной жизни жильцов — графики, финансовые операции, переписка с адвокатами, — утекает наружу. Мы подозреваем, что источник находится внутри. Среди тех, у кого есть доступ к закрытой базе данных. Охрана, технический персонал, администраторы.

— И вы хотите, чтобы я провела психологический аудит, чтобы найти... крота? — уточнила Марина, намеренно используя её невысказанное слово.

Кира Вадимовна посмотрела на неё с лёгким, едва заметным интересом. Как смотрит патологоанатом на интересный случай — без участия, но с профессиональным любопытством.

— Я хочу, чтобы вы оценили психологическую структуру коллектива. Кто на кого влияет. У кого есть рычаги давления. Кто проявляет нездоровое любопытство. И да, — она наконец убрала руку с папки и сложила пальцы домиком, — возможно, выявить человека, который работает на конкурентов или... на кого-то ещё.

«На кого-то ещё» прозвучало многозначительно. Марина поняла, что в этом комплексе, за этими стёклами и камерами, есть нечто большее, чем банальная утечка коммерческой информации. Но задавать вопросы сейчас было рано. Сначала контракт.

— Я ознакомилась с предварительными условиями, — сказала она, переходя к делу. Её голос звучал ровно, спокойно, чуть устало — она не пыталась казаться бодрее, чем была. — Сумма гонорара указана. Меня интересуют детали погружения. Вы предлагаете полное проживание на территории?

— Именно так, — Кира Вадимовна нажала кнопку на селекторе и произнесла: — Принесите кофе. — Затем снова повернулась к Марине. — Для качественного аудита необходимо полное погружение в среду. Вы не сможете понять динамику коллектива, наблюдая со стороны по три часа в день. Люди меняются, когда видят «варяга» с блокнотом. А вы должны видеть их настоящими. В утренней спешке, в вечерней усталости, в конфликтах на курилке. Для этого вы въезжаете в квартиру для персонала на четырнадцать дней. Въезд — завтра.

Марина кивнула, делая мысленную пометку. Четырнадцать дней в замкнутом пространстве. Это меняло формат. Это требовало совершенно иного уровня концентрации и... безопасности.

— Квартира находится в корпусе «А», — продолжила Кира Вадимовна, — первый этаж, рядом с хозяйственным блоком. Это техническое жильё, не люкс, не апартаменты. Я хочу, чтобы вы понимали: условия будут спартанскими. Но это часть вашей легенды. Вы — специалист по управлению персоналом, приглашённый для оптимизации работы службы сервиса. Вам не положены ни вид на фонтан, ни услуги консьержа. Вы — одна из них.

«Одна из них». В её устах это звучало не как унижение, а как тактическое преимущество. Марина оценила профессионализм.

— У меня есть кот, — сказала она, и это было проверкой. — В предварительном письме было указано, что возможно проживание с животным.

Кира Вадимовна перевела взгляд на её сумку, и на её лице впервые мелькнуло что-то похожее на человеческое — лёгкое, мимолётное удивление, смешанное с... одобрением. Она снова посмотрела на Марину, и в её светлых глазах мелькнула тень узнавания. Не как на коллегу. Как на человека, который понимает, что такое жить с существом, которое не предаст.

— В контракте есть отдельный пункт, — сказала она, возвращаясь к бесстрастному тону. — Пункт 14.3. «Сотрудник имеет право проживать на территории комплекса с домашним животным при условии соблюдения санитарных норм и отсутствии аллергических реакций у других сотрудников». Ваш питомец создаёт шум?

— Нет, — ответила Марина, чувствуя, как внутри отпускает невидимая пружина. — Он старше меня по кошачьим меркам. Ему тринадцать. Он спит, ест и молчит.

— Значит, проблем не будет, — Кира Вадимовна сделала пометку в папке — быстрым, уверенным почерком, который Марина оценила отдельно. Прямые линии, без закруглений. Человек, который не терпит неопределённости.

В дверь постучали, и вошла девушка в униформе с подносом. Кофе в маленьких чашках, молочник, сахарница, печенье в вазочке. Сервировка безупречная, фарфор тонкий, но не пафосный. Кира Вадимовна жестом указала ей поставить поднос на стол, и девушка исчезла так же бесшумно, как появилась.

— Я хочу, чтобы вы понимали, Марина Сергеевна, — Кира Вадимовна взяла чашку, отпила маленький глоток, — это не обычный кадровый аудит. Это политическая разведка внутри муравейника, где каждый муравей думает, что он бабочка. Люди, которые здесь живут, платят за анонимность. Люди, которые здесь работают, платят за возможность прикоснуться к этой анонимности. И те, и другие — не любят, когда их рассматривают под лупой.

— Я не пользуюсь лупой, — спокойно ответила Марина, беря свою чашку. Кофе оказался отличным — тёмным, горьковатым, без кислинки. — Я смотрю. И слушаю.

— Вот именно, — Кира Вадимовна поставила чашку и посмотрела на неё в упор. — Поэтому я настояла на вашей кандидатуре, когда увидела ваше резюме. У вас уникальный профиль: кадровик, юрист, плюс образование психопатолога. И опыт работы в органах. Вы знаете, как выглядит ложь. Вы знаете, как выглядит страх. И вы знаете, как выглядит человек, который что-то скрывает.

Она сделала паузу, и в этой паузе повисло невысказанное.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказала она. — Неформальный.

Марина ждала.

— Почему вы ушли из МВД?

Вопрос был острым, как скальпель, которым Кира Вадимовна, вероятно, когда-то владела в совершенстве. Марина могла бы выдать дежурную фразу: «Смена деятельности», «Не сошлась с руководством», «Устала от системы». Но она смотрела в её прозрачные глаза, пони-

мающие всё о телесных разрушениях и человеческой подлости, и поняла: она не примет дежурной фразы. Она их уже пересмотрела тысячи.

— Потому что однажды я поняла, — сказала Марина, не отводя взгляда, — что расследую преступления лучше, чем живу свою жизнь. Я умела читать почерк подозреваемых, но забыла, какой у меня самой. Я знала все статьи УК, но не знала, как составить собственное заявление на счастье. И в какой-то момент пришлось выбирать: остаться в системе, где я — удобный винтик, или выйти и научиться дышать по-другому.

Тишина затянулась. Кира Вадимовна смотрела на неё, и Марина видела, как за её ледяной маской что-то шевелится. Может быть, воспоминание. Может быть, боль, которую она так же хорошо спрятала, как Марина свою.

— Достойный ответ, — наконец сказала она. — Неожиданный. И честный. — Она подвинула к Марине контракт — толстую стопку листов, скреплённую пластиковой пружиной. — Ознакомьтесь. Юридическая служба внесла все правки, которые вы запрашивали в предварительной переписке. Сумма гонорара — как и обсуждалось. Две трети — на карту после подписания, остальное — по окончании работ. Пункт о неразглашении — стандартный, но с усилением: вы не имеете права обсуждать детали даже с близкими.

Марина взяла контракт в руки, и её пальцы профессионально пробежались по страницам, выхватывая ключевые пункты. Она читала договоры быстрее, чем художественную прозу, — этому её научили годы работы с рапортами и объяснительными. Всё было чисто. Сумма — действительно астрономическая. Таких денег она не зарабатывала даже за два года на предыдущей работе.

Сумма была настолько велика, что включала в себя не только оплату её времени и навыков. Она включала в себя оплату риска. И оплату молчания. И, возможно, оплату чего-то ещё, о чём Кира Вадимовна пока не говорила.

— Я возьму время до вечера, — сказала Марина, закрывая папку.

— Разумно, — Кира Вадимовна кивнула и встала, давая понять, что аудиенция окончена. — Завтра в десять утра вас встретят на въезде, оформят пропуск и проведут в ваше временное жильё. Кирилл Александрович хотел бы познакомиться с вами лично через пару дней, после того как вы освоитесь.

Марина тоже поднялась. В её сумке зашевелился Оскар, почувствовав движение.

— Кира Вадимовна, — сказала она, уже взявшись за ручку двери, — вы сказали «инциденты». Четыре инцидента за полгода. Мне нужно знать, о чём идёт речь. Не для отчёта. Для понимания, с кем я буду иметь дело.

Кира Вадимовна замерла на секунду, и в её позе промелькнуло что-то, чего Марина не ожидала от этого пергаментного лица. Усталость. Не профессиональная — экзистенциальная. Усталость человека, который слишком долго держит спину прямой.

— Три кражи, которые были списаны на халатность, — сказала она тихо. — И один... — она снова подбирала слово, — несчастный случай. С горничной. Она упала с лестницы в подсобном помещении. Сломанный позвоночник. Утверждала, что её толкнули, но камер в тех помещениях нет. А она — единственный свидетель. Теперь она не говорит. И не встанет.

По позвоночнику Марины пробежал холод, не имеющий отношения к погоде.

— Почему не обратились в полицию?

— Обратились, — Кира Вадимовна усмехнулась уголком рта, и эта усмешка была горькой. — Статья о несчастном случае на рабочем месте. Страховка выплачена. Дело закрыто. Но Кирилл Александрович... не любит совпадений. А тут совпадений было слишком много. Четыре утечки, три кражи, одно падение. Все нити ведут внутрь. Но кто именно дергает за них — непонятно.

Она подошла к окну и посмотрела вниз, на идеальные дорожки, стерильные газоны и бетонные джунгли, где за каждой стеклянной стеной скрывалась чья-то жизнь.

— Этот комплекс, Марина Сергеевна, — сказала она, не оборачиваясь, — похож на большой, красивый, дорогой гроб. С виду — идеальный порядок. А внутри — тлен. И нам нужен тот, кто этот тлен разводит. Вы справитесь?

Марина посмотрела на её спину — прямую, напряжённую, с идеальной осанкой человека, который привык нести тяжести в одиночку. И поняла, что узнаёт эту спину. Она была её собственной спиной в зеркале каждое утро.

— Я справлюсь, — ответила Марина. — Но с одним условием.

Кира Вадимовна обернулась.

— Я хочу встретиться с той горничной. С женщиной, которая упала с лестницы.

Кира Вадимовна смотрела на неё долго. Очень долго. В её светлых глазах мелькнуло что-то — то ли предостережение, то ли... уважение.

— Это возможно, — наконец сказала она. — Но только после того, как вы подпишете контракт. И только если вы будете готовы к тому, что она не сможет вам сказать ничего, что уже не было бы записано в протоколе.

— Люди всегда говорят больше, чем записано в протоколах, — ответила Марина. — Иногда это не слова.

Она вышла из кабинета, и дверь за ней закрылась с мягким, почти невесомым щелчком. В коридоре снова пахло кожей и тишиной. Она нажала кнопку лифта и почувствовала, как пальцы дрожат — не от страха, от внезапного, почти забытого ощущения предвкушения.

В лифте она опустила сумку на пол и растегнула молнию. Оскар высунул морду, фыркнул, осуждающе глядя на неё жёлтыми глазами.

— Ну что, малыш, — сказала она ему тихо, — кажется, мы въезжаем в гроб. С видом на фонтан. Но без фонтана. С видом на правду.

Оскар моргнул, выпустил когти, выпустив пряжку на сумке, и снова спрятал нос в темноту.

Марина вышла из корпуса «В», и ветер снова ударил в лицо, но теперь он казался ей не просто холодным. Он казался ей... честным. Он не врал. Он не притворялся тёплым и ласковым. Он был тем, чем был — порывистым, резким, сбивающим дыхание.

Она посмотрела на высотки, уходящие в выбеленное небо, на камеры, которые неотрывно следили за каждым её шагом, на консьержа, который уже открывал дверь следующему посетителю с такой же казённой улыбкой.

«Триумф-Парк», — подумала она. — Триумф кого? Или чего?»

В её сумке заворочался Оскар, напоминая, что дома её ждёт вечерняя кормёжка, привычный диван, проверка почты и разбор контракта до последней запятой.

Она погладила его через ткань, чувствуя тёплый, живой комочек, который был с ней дольше, чем любой человек.

— Две недели, — прошептала она ему. — Всего две недели. Мы просто посмотрим. Мы просто поживём в чужом муравейнике. А потом — уйдём.

Но внутри, там, где пряталась та самая женщина, которая когда-то выбрала жизнь вместо удобной системы, что-то тихо, но отчётливо щёлкнуло. Это был не страх. Это был вызов. И она, капитан Корнева, женщина, которая училась дышать по-новому уже пять лет, приняла его. Ещё до того, как подписала контракт.

Глава 3. Стекланный улей

Въезд в «Триумф-Парк» напоминал процедуру прохождения таможенного контроля в стране, куда тебя не очень-то и ждут.

Марина сидела в своей старой «Шкоде» — они с ней были ровесницами по служебному стажу, и её салон пах честной пылью, кожей кресел, которые давно видели лучшие времена, и сладковатым кошачьим кормом, потому что Оскар путешествовал исключительно в переноске на заднем сиденье. Её автомобиль был продолжением её самой: невзрачный, практичный, с хорошей обзорностью и полным отсутствием претензий. Здесь, перед шлагбаумом, за которым открывался въезд в подземный паркинг, «Шкода» смотрелась так же уместно, как она сама час назад на идеально выметенной дорожке.

Охранник — не консьерж в ливрее, а настоящий охранник в тактической форме, с переговорным устройством на ухе и скуластым лицом человека, который умеет не только нажимать кнопку пульта, — вышел из будки. Он не спешил. Он дал Марине время почувствовать себя незваной. Она опустила стекло, и в салон ворвался запах горячего асфальта — здесь, под землёй, его собственный, особенный, смешанный с выхлопами и химией автохимии.

— Документы, — голос без интонации.

Она протянула пропуск — пластиковую карту, которую ей вручили вчера в офисном крыле после подписания последней страницы контракта. Охранник приложил её к планшету, дождался зелёного сигнала, кивнул, даже не глянув на неё. Она была для него не человеком, а точкой в системе допуска. Въезд разрешён. Шлагбаум поднялся.

Паркинг встретил её серым светом люминесцентных ламп. Они гудели ровно, на одной ноге, создавая ощущение, что ты находишься внутри гигантского холодильника, где вместо продуктов — дорогие автомобили. Ряды «Porsche», «Mercedes», «Land Rover» стояли на своих местах с чопорной аккуратностью, как лошади в конюшне, которые знают себе цену. Её «Шкода» юркнула на назначенное место с табличкой «Служебный транспорт», и она снова почувствовала себя самозванкой.

Она заглушила двигатель, и тишина, наступившая после гула мотора, оказалась плотной, неестественной. Только мерный гул ламп да где-то далеко — эхо шагов по бетону. Она взяла переноску с Оскаром, сумку с ноутбуком и документами, вышла из машины. Пол под ногами — серый, с разметкой, идеально чистый, без единого пятна масла, без окурков, без следов. Никто здесь не курил на лестнице, никто не бросал жвачку. В этом паркинге даже мусор чувствовал бы себя лишним.

Лифт, в который она вошла с Оскаром, пах пластиком и чем-то цветочным — ароматизатор, имитирующий свежесть. Кнопка первого этажа загорелась мягким светом. Двери закрылись, и она почувствовала, как её медленно поднимают наверх, в мир стекла и бетона, где ей предстояло прожить две недели.

Коридор первого этажа в корпусе «А» оказался не похож на холл главного здания. Здесь не было мрамора, не было консьержей в ливреях и мягких диванов для ожидания. Здесь были серые стены, крашенные светлой краской, пластиковые плинтусы, двери из шпонированной фанеры с номерами, напечатанными на принтере и вставленными в пластиковые кармашки. Запах — дезинфекция, хлорка, чуть слышный запах жареного лука из служебной столовой где-то за поворотом.

Квартира номер 103 находилась в конце коридора, рядом с дверью, за которой, судя по табличке, располагался хозяйственный блок. Она вставила ключ — обычный, металлический, без чипов и электронных замков — и повернула. Дверь открылась со скрипом, который в этом комплексе казался почти неприличным. Внутри было тесно, но чисто.

Одна комната, совмещённая с кухней. Узкая кровать, застеленная бельём из синтетики, которое колелось, как только она провела по нему рукой. Стол на металлических ножках, стул, старенький, но крепкий. Холодильник, который гудел с надрывом, словно удивляясь, что его вообще включили. Ванная — кабинка душа, унитаз, раковина. На подоконнике — живая герань в горшке. Это было единственное, что выдавало присутствие человека, который убирал здесь до неё. Кто-то поливал эту герань, может быть, даже разговаривал с ней.

Она поставила переноску на пол, открыла дверцу. Оскар вышел, огляделся своими жёлтыми глазищами, фыркнул — запах чужого, не его — и деловито направился обследовать периметр. Она села на край кровати, и пружины предательски скрипнули. Спина ныла после ночи, проведённой в сборах, после вчерашнего, когда она разбирала контракт до трёх утра, вычитывая каждый пункт, каждую запятую. Она знала, что подписала не просто договор. Она подписала входной билет в чужую жизнь. Чужую систему.

Окно выходило во внутренний двор — техническую зону, где стояли контейнеры для мусора, где курили сотрудники в перерывах, где проходила неприглядная изнанка этого стеклянного рая. Сейчас двор был пуст, только ветер гонял по асфальту обрывок плёнки. Она смотрела на этот обрывок и думала о том, что вчерашнее ощущение защищённости, которое накрыло её у входа, было иллюзией. Она внутри. Но она не стала защищённой. Она стала частью механизма.

Оскар запрыгнул на подоконник, сел, глядя на двор, и замер. Кот-философ.

Марина уже взялась за ручку двери, когда Оскар вдруг зашипел. Не на неё — в пустоту. Шерсть встала дыбом, хвост трубой. Кот смотрел не в окно, а в угол комнаты, где не было ничего, кроме старого платяного шкафа. Марина проследила за его взглядом. Шкаф был закрыт, но из-под двери... там что-то лежало. Она опустилась на корточки. Маленький конверт, запечатанный сургучом, без адреса. Она его не клала. Она вообще не видела его раньше. Пальцы замерли в сантиметре от бумаги. Стук в дверь заставил её выпрямиться. Никого. Ни звука шагов. Конверт исчез. Оскар продолжал шипеть.

Она оставила его размышлять и пошла знакомиться с территорией. По легенде, сегодня она должна была появиться в зоне видимости персонала, сделать первый круг, зафиксировать лица, позы, голоса.

Холл главного здания, куда она вышла через внутренний переход, был просторным, залитым светом — не солнечным, но его имитацией. Потолочные светильники давали ровное, чуть голубоватое свечение, которое делало лица бледными, а стены — стерильными. Ресепшн из белого мрамора, за ним — двое консьержей в форменных пиджаках с золотыми пуговицами. На груди — бейджики. Мужчина лет тридцати пяти, с выправкой военного, но глазами — уставшего администратора. Женщина — чуть старше, с идеальной укладкой и улыбкой, которая не касалась глаз.

Марина подошла к стойке, представилась как специалист по кадрам, прикомандированная для аудита. Мужчина — его звали, она прочитала на бейдже, Игорь Викторович, — посмотрел на неё с профессиональным безразличием. Женщина, Татьяна, улыбнулась шире, но в этой улыбке было что-то настороженное, как у официантки, которая пытается определить, сколько чаевых оставит клиент.

— Вам нужен доступ к личным делам? — спросила Татьяна. — Я могу организовать встречу с руководителем службы персонала.

— Пока нет, — ответила Марина. — Сначала я хочу посмотреть, как работает система изнутри. Просто понаблюдать. Походить по зонам общего доступа.

— Понимаю, — Татьяна кивнула, но её пальцы на клавиатуре замерли на секунду дольше, чем нужно. Она что-то набирала — может быть, в служебный чат сообщение: «Новая кадровичка пришла, будет шастать».

Марина отошла от стойки и направилась к лифтам, но не поехала вверх, а свернула в коридор, где, по её расчётам, должны были находиться служебные помещения и раздевалки для персонала. Шла медленно, впитывая информацию.

Запахи: в холле — дорогой парфюм, смешанный с ароматом кофе из автомата. В служебном коридоре — запах дешёвого табака (кто-то курил, приоткрыв окно), пота, казённого мыла. Звуки: в холле — приглушённая музыка, классика, тихий говор. Здесь — шум вентиляции, далёкий смех, звук работающего пылесоса.

И тут она увидела её. Женщина мыла пол в конце коридора. Швабра в её руках двигалась размеренно, без спешки, но с какой-то... Марина сказала бы, достоинством. Она была в форменном комбинезоне — синем, с логотипом клининговой компании на спине, — но на ногах у неё были туфли, которые не вязались с униформой. Лодочки на невысоком каблуке, из хорошей кожи, добротные, но явно старомодные. Такие носили женщины её поколения — лет пятидесяти пяти-шестидесяти, — когда хотели выглядеть прилично, но не могли позволить себе новое. Туфли были начищены до блеска. Это в утреннюю смену, когда ей предстояло мыть полы.

Марина подошла ближе, стараясь не нарушать её ритм. Женщина подняла голову, и она увидела её лицо — продолговатое, с крупными, тяжеловатыми чертами, которые когда-то были красивыми. Глаза — серые, глубоко посаженные, смотрят спокойно, без подобострастия, но и без вызова. Так смотрит человек, который давно понял, что от него ничего не зависит, но достоинство не продал.

— Здравствуйте, — сказала Марина. — Я Марина, специалист по кадрам. Провожу аудит.

— Зинаида Павловна, — ответила женщина, не отрывая рук от швабры. — Уборщица. — И добавила, с лёгкой, едва заметной иронией: — Неужели и до нас добрались?

Марина улыбнулась в ответ, и это была не дежурная улыбка, а настоящая, потому что в её голосе прозвучало узнавание. Она тоже знала, что такое быть «добравшимся».

— До всех, — сказала Марина. — Система требует оптимизации.

Зинаида Павловна хмыкнула — коротко, без злости — и продолжила водить шваброй. Марина смотрела, как двигаются её руки: уверенно, с опытом, но без автоматизма. Она не просто мыла пол — она приводила его в порядок. В этом было что-то от ритуала.

Марина заметила, что другие сотрудники, проходящие мимо — две девушки-администратора в форменных юбках, парень с тележкой для уборки, — обходят её стороной. Не то чтобы обходят — они делают крюк, избегая смотреть в её сторону. Одна из девушек что-то шепнула другой, и Марина уловила обрывок: «...с седьмого этажа, Кротовская».

Зинаида Павловна, услышав это, даже бровью не повела. Только швабра в её руках на мгновение замерла, а потом продолжила движение с той же размеренностью.

«Кротовская» — это было не имя. Это была кличка. Метка. Марина присмотрелась к ней внимательнее: осанка прямая, плечи расправлены, даже когда она наклоняется к ведру. Руки — крупные, с широкими ладонями, но ухоженные, с коротко остриженными ногтями. На безымянном пальце — обручальное кольцо, старое, потёртое, но не снятое. Вдова? Разведённая? Судя по кольцу — вторая вероятность меньше.

— Зинаида Павловна, — сказала Марина тихо, чтобы не привлекать внимания, — я буду здесь две недели. Если у вас есть что рассказать о работе... или о том, что здесь происходит, я готова слушать.

Зинаида Павловна выпрямилась, опираясь на швабру, и посмотрела на неё в упор. В её серых глазах мелькнуло что-то — не надежда, надежда у таких женщин умирает раньше, чем морщины прорезаются на лице. Скорее, осторожное любопытство. Как у человека, который давно никому не верит, но проверяет — а вдруг?

— Что здесь происходит, — повторила она. — А вы, милая, разве не знаете? Вы же кадровик. Вам, наверное, уже рассказали про инциденты.

— Рассказали, — кивнула Марина. — Но я хочу услышать от тех, кто здесь работает. Не в протоколах, а в жизни.

Зинаида Павловна помолчала, потом медленно покачала головой.

— Рано вам ещё, — сказала она, и в её голосе прозвучало не предостережение, а что-то другое. Жалость? — Присмотритесь сначала. Увидите сами. А если не увидите — значит, и не надо.

Она взяла ведро и пошла дальше по коридору, оставляя за собой идеально чистый, влажно поблескивающий пол. Марина смотрела ей вслед, и в её голове складывалась картинка.

Женщина, которую сторонятся коллеги. Которую называют «Кротовская», то есть связанная с владельцем комплекса — Кириллом Александровичем Кротовым. Которая носит старые, но дорогие туфли. Которая говорит «рано вам ещё» — так говорят люди, которые знают то, о чём не говорят вслух.

Марина записала эти наблюдения мысленно, но в блокноте ничего не отметила — слишком рано. Сначала нужно понять иерархию, увидеть, кто с кем общается, кто кого боится, кто кого покрывает.

До обеда она бродила по комплексу, стараясь быть незаметной. Зашла в служебную столовую — небольшое помещение с пластиковыми столами и вендинговыми автоматами, где в перерыв собирался технический персонал. Села в угол, заказала чёрный чай и наблюдала.

Коллектив делился на три группы. Первая — администраторы и менеджеры: молодые, амбициозные, с iPhone последних моделей и быстрыми взглядами. Они говорили громко, смеялись, но Марина замечала, как их взгляды то и дело скользят к дверям — не вошёл ли кто из начальства. Вторая — технический персонал: электрики, сантехники, уборщики. Держались обособленно, говорили тихо, ели быстро. У них был свой язык, свои шутки, своя иерархия, невидимая для посторонних. Третья группа — охрана. Они не смешивались ни с кем, сидели отдельным столом, переговаривались короткими фразами, похожими на радиоперекличку.

Зинаиды Павловны в столовой не было. Марина спросила у официантки — женщины в таком же синем комбинезоне, — где она, но та только плечом пожала: «У неё свой график».

После обеда она вернулась в свою каморку. Оскар спал на подоконнике, свернувшись клубком, и даже не повёл ухом, когда она вошла. Она села за стол, включила ноутбук, открыла файл с рабочими заметками. Написала: «Зинаида Павловна — ключевая фигура. Изолирована. Вызывает настороженность. Возможная связь с Кротовым». Сохранила, закрыла ноутбук.

Ей нужно было выйти, проветрить голову. Паркинг был ближайшим местом, где можно было побыть одной, без камер, без наблюдения. Она спустилась на лифте, прошла по серому коридору, открыла тяжёлую дверь на лестничную клетку, ведущую в паркинг, и тут же услышала звук.

Металлический лязг. Потом — глухое ругательство, мужское, низкое, с рычащими нотками.

Марина замедлила шаг. Профессиональная привычка: звук опасности — или не опасности, но чего-то нестандартного — заставляет насторожиться, замереть, оценить. Она выглянула из-за угла.

В дальнем углу паркинга, у бетонной стены, стоял старый внедорожник. Не «Porsche», не «Mercedes», не «Land Rover» из тех, что чинно выстроились на своих местах. Это был «Land Cruiser» 80-й серии — квадратный, тяжёлый, с тёмно-зелёной краской, облупившейся на порогах. Машина, которую выбирают либо фанаты, либо люди, которым плевать на статус, но важна надёжность. Или и то, и другое.

Рядом с машиной, на корточках, возился мужчина. Он был в тёмной футболке, испачканной маслом, и старых джинсах. Волосы — тёмные, с сильной проседью на висках, не стри-

женные, но и не длинные — торчали в разные стороны, словно он провёл по ним рукой, испачканной в солидоле. Спина — широкая, напряжённая. Он что-то делал с передним колесом, судя по инструментам, разложенным на брезенте рядом — менял его? Или пытался понять, почему оно спустило.

Марина подошла ближе, и он поднял голову.

Она увидела лицо, которое не вписывалось в этот глянцевоый мир. Жёсткое, с глубокими складками от носа к углам рта, с небритостью, которая была не стилем, а отсутствием времени на бритьё. Глаза — тёмные, почти чёрные, с прищуром человека, который привык смотреть на солнце или в прицел. В них не было ни удивления, ни раздражения от того, что его застали в таком виде. Только мгновенная оценка — быстрая, как щелчок затвора.

— Вы кто? — спросил он, и голос оказался низким, с хрипотцой, которая бывает у людей, которые много и громко говорят или... которые давно не говорят ничего, кроме нужного.

— Марина Корнева, — ответила она. — Кадровый аудит. А вы, судя по машине, здесь не живёте.

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Почему это?

— Потому что здесь живут те, кто паркуется на отведённых местах и не возится с колёсами посреди рабочего дня. — Марина кивнула на его внедорожник. — Это машина для тех, кто едет туда, где нет асфальта. А здесь — только асфальт. И очень ровный.

Он выпрямился, и она увидела, что он выше её на голову, и что руки у него — отдельная история. Крупные кисти, пальцы сильные, с въевшейся в кожу грязью, которую не отмыть за один раз. И шрамы. На правой руке, от запястья к локтю, шла неровная, блестящая полоса — старый термический ожог, давний, но оставивший заметный след. Такие шрамы бывают у тех, кто работал с огнём, или у тех, кто вытаскивал кого-то из огня.

— Наблюдательная, — сказал он, и в его тоне она услышала не комплимент, а констатацию. — Для кадровика необычно. Обычно они смотрят в анкеты, а не по сторонам.

— Обычные кадровики смотрят в анкеты, — согласилась Марина. — Я смотрю на людей. Это быстрее.

Он снова усмехнулся, взял гаечный ключ, повернулся к колесу. Она могла бы уйти — она уже получила достаточно информации для первого впечатления. Но что-то её держало. Профессиональный азарт? Или что-то другое, менее определённое?

— Помочь? — спросила она.

Он обернулся, и в его глазах мелькнуло искреннее удивление.

— Вы умеете менять колесо?

— В МВД учили. И не только колесо.

Он посмотрел на неё дольше, чем требовалось для оценки её физических способностей. Она выдержала взгляд. В этом молчаливом спарринге было что-то знакомое — то, что она чувствовала на допросах, когда смотрела в глаза подозреваемому и решала: врёт или нет. Но здесь было иначе. Здесь не было подозрения. Был взаимный интерес. Не мужской к женщине — это она распознаёт мгновенно, по расширению зрачков, по изменению позы, по тому, как голос становится чуть ниже. Здесь было другое. Интерес профессионала к профессионалу.

— Берите домкрат, — сказал он, кивнув на инструменты. — Только аккуратно, у этой старухи центр тяжести смещён.

Марина опустила на корточки рядом с ним, и они начали работать. Молча. Синхронно. Она подставляла домкрат, он откручивал гайки. Она чувствовала запах масла, горячего металла, бензина — запахи, которые были ей знакомы с тех пор, как отец учил менять колёса на его «Ниве». Эти запахи пахли детством, которое было не сладким, но честным. И ещё она чувствовала его — мужчину рядом. Не парфюм — его не было, только запах кожи,

пота, металла. И тепло. Он излучал тепло, как печь, и в этом бетонном, стерильном холоде его тепло было... неожиданным.

— Откуда вы? — спросил он, когда они подняли запасное колесо и насадили его на шпильки. — Не из управляющей компании, это точно. Они присылают с планшетами и галстуками. А вы — в пальто из прошлого сезона и с котом в сумке.

Марина замерла.

— Откуда вы про кота знаете?

— Мне доложили, — спокойно ответил он. — У нас тут каждый новый человек — событие. А женщина, которая приходит работать с котом в переноске, — событие вдвойне. К тому же вы уже успели познакомиться с Зинаидой Павловной.

Теперь она поняла. Или почти поняла.

— Вы — Кротов, — сказала она, и это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Кирилл Александрович, — он кивнул, закручивая гайку крест-накрест, не глядя на неё. — Собственник. И работодатель, между прочим. Так что я, выходит, начальник вашего начальника.

Марина выпрямилась, отряхивая колени.

— И вы меняете колесо сами? Владелец комплекса, в котором паркуются на «Майбахах»?

— А должен позвать водителя? — он поднял голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то живое — насмешка, смешанная с чем-то ещё. — Водитель у меня есть. Но он сегодня отвозил дочь в школу, а я не люблю ждать. И руки помнят, как это делается.

Он встал, убрал инструменты в ящик в багажнике, закрыл крышку. Марина смотрела на его движения — размашистые, экономные, без лишних жестов. Человек, который привык работать руками. Который не боится испачкаться.

— Хорошо, — сказал он, вытирая руки ветошью. — Теперь вы знаете, кто я. А я знаю, кто вы. Марина Корнева, капитан запаса, бывший сотрудник МВД, кадровик, юрист, психопатолог. И женщина, которая ушла из органов, потому что не вписалась в систему. Я правильно понимаю?

Марина молчала. Внутри что-то ёкнуло — не от страха, не от удивления, а от точности. Он сформулировал это так, как она сама себе формулировала в редкие минуты честности. Без прикрас. Без жалости.

— У вас хорошее досье, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Для человека, который меняет колёса сам.

— Я собираю информацию о тех, кто работает в моём доме, — ответил он. — Это не паранойя. Это необходимость. Вы бы поступили так же.

— Возможно, — Марина выдержала паузу. — Но вы не ответили на вопрос.

— На какой?

— Зачем вам кадровик-психопатолог, если у вас уже есть Кира Вадимовна? Она справилась бы с любым аудитом.

Он замолчал. Смотрел на неё долго, прищурившись, и она чувствовала, как его взгляд сканирует её лицо — так же, как она сканировала его несколько минут назад. Они менялись ролями, и это было... непривычно. И возбуждающе. В профессиональном смысле, разумеется.

— Кира Вадимовна — профессионал, — наконец сказал он. — Но она часть системы. А система, Марина Сергеевна, имеет свойство защищать себя. Мне нужен взгляд со стороны. Человек, который видит то, что другие перестали замечать. И который, — он сделал паузу, — не боится сказать правду, даже если она неприятна.

— С чего вы взяли, что я не боюсь?

— Вы ушли из органов, — повторил он. — Это поступок человека, который не боится потерять место. Который выбрал правду о себе вместо удобной лжи в системе. Я таких людей уважаю. Их мало.

В её солнечном сплетении разлилось странное тепло. Не жар — так, ровное, спокойное тепло, как после глотка хорошего чая. Она не ожидала, что её так быстро прочитают. Не ожидала, что этот человек, в масляных пятнах и с застарелыми шрамами на руках, увидит то, что она прятала годами. И главное — он не осудил. Он назвал это поступком.

— Вы сказали, что у вас есть дочь, — Марина перевела разговор, потому что не хотела, чтобы он видел, как она растеряна. — Вы отвозили её в школу. Значит, ребёнок здесь живёт? В комплексе?

Он посмотрел на неё снова, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего она не смогла прочитывать. Настороженность? Или... защита?

— Моя дочь живёт со мной, — сказал он тихо. — И это единственная причина, почему я до сих пор здесь, в этом стеклянном гробу, а не в лесу, где меня никто не найдёт.

Он кивнул в сторону внедорожника, и Марина, следуя за его жестом, заметила в затемнённом окне машины детскую игрушку. Маленький плюшевый медведь, потрёпанный, с оторванным ухом, сидел на заднем сиденье, пристёгнутый ремнём безопасности. Так обычно делают родители, которые возят ребёнка в кресле — игрушка ездит рядом, как друг.

Она смотрела на этого медведя, и в её голове щёлкнуло: не материнское — материнское в ней дремало глубоко, законсервированное, — а сыщичкое. Что здесь делает ребёнок? В комплексе, где текут секреты, где кто-то сливает информацию, где упала с лестницы горничная, где нужен психопатолог для аудита — здесь живёт ребёнок. И этот ребёнок — дочь Кротова. Человека, который держит всё под контролем, но не может или не хочет уехать.

— Сколько ей? — спросила она.

— Семь, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучало что-то человеческое, не бронированное. Усталость? Любовь? — И прежде чем вы спросите дальше, — добавил он, — мамы у неё нет. Только я. И няня. И Зинаида Павловна, которую вы сегодня видели.

Марина кивнула, не задавая вопросов. В профессиональной этике есть правило: когда человек сам даёт информацию, не нужно давить. Он сказал то, что хотел сказать. Остальное — позже.

— Завтра у меня встреча с вами официальная? — спросила она, возвращая разговор в деловое русло. — Или вы просто меняете колёса, а я смотрю?

— Завтра в десять, в моём кабинете, — он закрыл багажник и посмотрел на часы — старые, механические, с потёртым ремешком. — А сейчас, если позволите, я пойду мыть руки. Иначе няня не пустит меня к дочке. Она у меня строгая.

Он улыбнулся — первый раз за весь разговор. Улыбка оказалась неожиданной: тёплой, чуть кривоватой, она меняла его лицо, делая его не просто жёстким, а... живым. На секунду Марина увидела не владельца комплекса, не начальника, не заказчика, а отца, который боится, что няня отчитает его за грязные руки.

— Спокойной ночи, Кирилл Александрович, — сказала она.

— И вам, Марина Сергеевна, — он повернулся и пошёл к лифту, широкий, слегка сутулый, с инструментальным ящиком в руке.

Марина осталась стоять в паркинге одна. Лампы гудели своим ровным, монотонным гулом. Где-то капала вода — возможно, с кондиционера. В воздухе пахло бензином и горячим асфальтом. Она смотрела на внедорожник, на плюшевого медведя в окне, на следы от домкрата на бетонном полу, и чувствовала, как в груди пульсирует что-то, чему она не могла дать название.

Это был не страх. Не предвкушение. Это было... узнавание.

Он прочитал её. Увидел то, что она прятала. И не использовал это против неё. Назвал поступком.

Она медленно пошла к лифту, поднялась на первый этаж, прошла по коридору, открыла дверь своей каморки. Оскар все еще спал на подоконнике, свернувшись калачиком, и даже не повёл ухом, когда она вошла.

Она села на кровать, сняла ботинки, поставила их у порога. Пальцы ног заledenели — она не заметила, как замёрзла в паркинге. Она растирала их, глядя на герань на подоконнике, на спящего кота, на серые стены.

«Что здесь делает ребёнок?» — спросила она себя снова. Но теперь вопрос звучал иначе. Не сыщицкий вопрос. Другой. Тот, который она не задавала себе много лет.

«А что здесь делаешь ты, Марина?»

Она легла, накрылась синтетическим одеялом, которое кололось, и закрыла глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояли руки Кротова — сильные, в масле, со старыми шрамами. Руки, которые меняли колесо посреди дня, потому что не хотели ждать. Руки, которые, наверное, обнимали семилетнюю девочку. Руки, которые держали в себе столько, сколько она даже представить не могла.

Она не знала, что будет завтра. Она не знала, найдёт ли она крота, и что за этим последует. Но она знала одно: впервые за долгое время ей было не всё равно. Не потому, что ей заплатили астрономическую сумму. А потому, что здесь, в этом стеклянном улье, где люди строили стены из бетона и статуса, она встретила человека, который не строил стен перед ней. Который показал ей свои руки — грязные, шрамы, честные.

Оскар спрыгнул с подоконника, подошёл к кровати, запрыгнул, потоптался и лёг у неё на груди, согревая своим тельцем. Она погладила его, чувствуя, как под шерстью бьётся маленькое, частое сердце, он заурчал.

— Ты знаешь, малыш, — прошептала она в темноту, — кажется, это расследование будет сложнее, чем я думала.

Оскар мурлыкнул, и в его урчании ей почудилось согласие.

За окном, в техническом дворе, ветер всё так же гонял обрывки плёнки. Но теперь ей казалось, что он гонит не просто мусор, а что-то ещё — то, что застоялось, то, что боялись потревожить. И она, лёжа на жёсткой кровати в каморке для персонала, вдруг поняла, что её собственная жизнь — то самое расследование, которое она откладывала пять лет, — только начинается.

Завтра в десять. В кабинете Кротова. Она закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений — глубокий, чёрный, как бетонный пол паркинга, на котором они меняли колесо. Но внутри, в солнечном сплетении, всё ещё теплилось ровное, спокойное тепло. Оно не давало ей замёрзнуть.

Глава 4. Пожар в машине времени

Ночь не принесла облегчения. Марина лежала на жёсткой кровати, глядя в потолок, где трещина в штукатурке напоминала карту неизвестной реки. Оскар, устроившийся у неё на груди, мерно урчал, и его вибрация разливалась по телу тёплой, живой волной, но не могла прогнать то, что застряло под рёбрами. Перед глазами всё ещё стояли руки Кротова — шрамы, вьёвшаяся в кожу масляная грязь, уверенные движения, когда он закручивал гайки. И плюшевый медведь на заднем сиденье. И слова: «Я уважаю таких людей. Их мало».

Она не могла уснуть не потому, что её взволновала его похвала. Она не могла уснуть, потому что он её прочитал. Без усилий, без подготовки, без папки с личным делом. Просто посмотрел — и увидел. И назвал правду тем словом, которое она сама боялась произнести. Поступок.

В её профессии поступком называют то, что требует мужества. Остальное — действие. И он, этот человек с ожогами на руках, каким-то образом знал, что её увольнение из органов было не бегством, а единственным честным шагом, который она могла тогда сделать. Но откуда? Откуда он мог это знать?

Марина осторожно сдвинула Оскара, села на кровати, включила настольную лампу. Жёлтый свет выхватил из темноты стол с ноутбуком, горшок с геранью, её сумку, брошенную на стул. За окном, во внутреннем дворе, кто-то курил — огонёк сигареты мерцал в темноте, и она слышала приглушённый голос, разговаривавший по телефону. Ночь здесь пахла не свободой, а закрытым пространством — бетоном, хлоркой, чужими жизнями, которые теснились за стенами.

Она открыла ноутбук, дождалась, пока загрузится, и набрала сообщение человеку, к которому не обращалась больше трёх лет.

«Полковник Громов. Здравствуйте, Андрей Викторович. Нужна помощь по старому каналу. Не для протокола».

Курсив на экране замер, сообщение ушло в пустоту. Было два часа ночи. Она не ждала ответа раньше утра. Но через три минуты экран моргнул, и она увидела:

«Марина? Ты жива? Пиши, что надо».

Марина невольно улыбнулась. Андрей Викторович Громов — начальник отдела кадров ГУ МВД по области, человек, который когда-то подписывал её увольнение и, помнится, сказал тогда: «Корнева, ты совершаешь ошибку. Такие специалисты, как ты, на дороге не валяются». Она ответила: «Андрей Викторович, если я останусь, я перестану быть специалистом. Я стану винтиком, который видит, как ломается система, и молчит». Он посмотрел на неё долгим взглядом, потом подписал бумаги и сказал: «Звони, если что». Она не звонила три года. До сегодняшней ночи.

«Нужна информация на человека. Кротов Дмитрий Александрович. Примерно 45—50 лет. Был в системе — точно майор, возможно, увольнялся по собственному желанию лет десять назад. Мне нужно его личное дело. И всё, что есть по обстоятельствам увольнения».

Ответ пришёл быстро. Громов не спал — это она помнила: он всегда был полуночником, говорил, что в тишине работает лучше.

«Кротов? Тот, который Кротов? Строительная империя?»

Марина замешкалась. Она знала Кротова как владельца управляющей компании «Триумф-Парка», но империя? Она набрала:

«Не знаю. Возможно. Мне нужен бывший майор Кротов, служивший в нашей области».

«Понял. Жди. Может, к утру. Данные старые, в электронном виде не всё. Архив спит, но я разбужу».

«Спасибо. Должна буду».

«Будешь. Кофе с пирожными. Ты не изменилась?»

Марина не ответила. Закрыла ноутбук, легла, уставилась в потолок. Оскар, недовольный перемещениями, перебрался на подушку, лёг у её плеча, и его урчание снова наполнило комнату, создавая иллюзию защищённости.

Она не изменилась? Изменилась. Но не в том смысле, который имел в виду Громов. Она стала осторожнее. Она научилась не верить первому впечатлению, даже если оно такое яркое, как руки Кротова в масляных пятнах. И именно поэтому она не могла спать. Потому что первое впечатление говорило: этот человек — не тот, за кого себя выдаёт. Или, наоборот, — тот самый, и это страшно.

Почему бывший майор, спасший ребёнка из огня, стал владельцем элитного комплекса, где люди платят за анонимность?

Почему в его доме текут тайны, падают с лестниц женщины, а служба безопасности закрывает глаза?

И какое отношение ко всему этому имеет Зинаида Павловна, которую называют «Кротовская» и которая носит старые, но дорогие туфли?

Вопросы нанизывались один на другой, как бусы, и Марина провалилась в сон только под утро, когда за окном начало сереть, а сигаретный огонёк внизу погас.

Утром она проснулась от того, что ноутбук пикинул. Она вскочила, скинув Оскара, который возмущённо фыркнул и перебрался на подоконник. На экране было сообщение от Громова с вложением: «Кротов Д. А. Личное дело. И кое-что ещё. Звони, когда сможешь говорить».

Марина открыла файл. Первой страницей шла копия личного дела — пожелтевший скан, где фотография была приклеена на уголки. Молодой мужчина в форме майора. Тот же разрез глаз, та же линия рта, но без сегодняшней жёсткости. На фото ему было около тридцати пяти — лицо ещё не тронута глубокими морщинами, волосы темнее, без проседи. Дерзкий, прямой взгляд, чуть приподнятый подбородок. Смотрит в объектив так, словно знает что-то, чего не знает фотограф. Уверенность, которая ещё не успела превратиться в жёсткость.

Она пробежала глазами анкетные данные. Родился в городе «Н», окончил юридическую академию, служил в отделе по расследованию особо важных дел. Характеристики — все как одна: «решительный, принципиальный, не боится брать на себя ответственность». Ничего необычного для человека, который дослужился до майора к тридцати пяти.

Но последний лист дела был помечен грифом «архивное». Там шло заключение служебной проверки. Уволен по собственному желанию. Основание: «несоответствие должностным требованиям в связи с психологическими последствиями участия в ликвидации последствий чрезвычайного происшествия». Сухой, казённый язык, который прятал что-то большее.

Марина перешла ко второму вложению. Это была вырезка из криминальной хроники местной газеты десятилетней давности. Заголовок: «Следователь спас ребёнка из горящей машины».

Фотография была чёрно-белой, снятой на плёнку, и зерно съедало детали, но она видела достаточно. Остов автомобиля — легковушки, которую смяло и скрутило в пожаре так, что опознать марку было невозможно. Капот вздыблен, крыша вмята внутрь, все стёкла выбиты. Вокруг — снег, сугробы, деревья. Трасса? Загородное шоссе? И люди в тёмных куртках, похожие на воронов, сгрудившиеся вокруг чего-то, что осталось за кадром.

Марина читала текст заметки, и каждый абзац отдавался в груди глухим, тяжёлым толчком.

«В ночь с 14 на 15 ноября на 87-м километре трассы М-8 произошло ДТП с последующим возгоранием автомобиля. По предварительным данным, водитель не справился с управлением, машина съехала в кювет и перевернулась. Находившийся на месте происшествия майор полиции Кротов Д. А., следователь по особо важным делам, возвращавшийся со служебного зада-

ния, извлёк из салона ребёнка — девочку трёх лет. Женщина, находившаяся за рулём, погибла на месте до прибытия спасателей. Кротов получил ожоги второй и третьей степени, госпитализирован. Ребёнок выжил».

Она перечитала последнюю фразу три раза. Ребёнок выжил.

Медведь на заднем сиденье. Дочь, которую отвозил в школу. Семь лет сейчас. Десять лет назад — три года. Совпадает.

Марина отодвинулась от стола, чувствуя, как внутри всё сжимается. Не от жалости — жалость была бы неуместна. От понимания. Он вытащил ребёнка из огня. Получил ожоги, которые остались на всю жизнь. И ушёл из системы, потому что... потому что «несоответствие должностным требованиям в связи с психологическими последствиями». Что это значило? Он не мог больше расследовать? Не мог смотреть на огонь? Не мог смотреть на детей, которые теряют родителей?

Марина закрыла ноутбук. За окном уже светало, и серый рассвет заливал технический двор, делая его ещё более унылым. В мусорных контейнерах копошились голуби. Кто-то из сотрудников уже курил у стены, выпуская клубы пара в холодный воздух.

Оскар прыгнул с подоконника, подошёл к ней, ткнулся носом в руку. Она машинально погладила его, чувствуя под пальцами тёплую, живую шерсть.

— Он вытащил ребёнка, — сказала она коту, потому что говорить больше было не с кем. — И у него на руках шрамы. А я вчера смотрела на них и думала — откуда? Теперь знаю.

Оскар посмотрел на неё жёлтыми глазами, в которых читалось всё кошачье равнодушие к человеческим трагедиям, но он не ушёл. Остался рядом, положив голову на её руку, и она чувствовала, как его дыхание согревает запястье.

Она сидела так, глядя в серое утро, и думала о том, что огонь, который оставил следы на теле Кротова, сжёг в нём что-то ещё. Возможность оставаться в системе, которая требует от следователя холодной головы и не прощает, когда сердце берёт верх. Он спас девочку — и заплатил за это карьерой. А потом, видимо, построил империю, чтобы эта девочка ни в чём не нуждалась. Чтобы жила за стенами, которые никто не сможет пробить.

Марина встала, умылась ледяной водой из крана, надела джинсы, тёплый свитер — сегодня она не собиралась играть роль кадровика в пальто. Сегодня она собиралась сделать то, что не входило в контракт. То, о чём Кира Вадимовна не просила. То, что любой профессионал назвал бы нарушением границ.

Она закрыла ноутбук, и в тот же миг что-то стукнуло в окно. Не ветка — на втором этаже не было деревьев. Марина отдернула занавеску. На карнизе сидел голубь. Обычный, серый, с вырванными перьями на шее. И смотрел прямо на неё. В его клюве что-то белело. Маленькая записка, свёрнутая в трубочку. Птица не улетала, даже когда Марина постучала по стеклу. Она стояла и смотрела, и в этом взгляде было что-то человеческое. На секунду Марине показалось, что если она откроет окно, голубь заговорит. Она не открыла. Птица улетела, оставив на стекле мокрый след, похожий на отпечаток пальца.

Она собиралась проникнуть на седьмой этаж. Седьмой этаж в корпусе «А» был закрыт для посторонних. Это она выяснила ещё вчера, изучая планировку комплекса в служебной документации, к которой ей открыли доступ. Официально — там располагались технические помещения, серверная и архив управляющей компании. Неофициально — по обрывкам разговоров, по тому, как менялись лица сотрудников, когда речь заходила об этом этаже, она поняла: там что-то прячут.

В лифте кнопка седьмого этажа не нажималась без специального ключа. Лестничная клетка на седьмом была заблокирована металлической дверью с электронным замком. Но Марина знала, что здания, даже самые защищённые, дышат. У них есть вентиляция, есть пожарные выходы, есть слабые места, которые проектировщики оставляют, чтобы соблюсти противопожарные нормы. И она нашла такое место.

Служебная лестница, которая вела из хозяйственного блока на технический этаж, а оттуда — через пожарный люк — в коридор седьмого этажа. Люк не был закрыт на ключ — только на задвижку. Люди, которые проектировали этот комплекс, думали о безопасности от внешних угроз, но не о том, что кто-то будет проникать изнутри. Или думали, но не до конца.

Марина поднялась по узкой металлической лестнице, стараясь ступать бесшумно. Перила были холодными, ступени гудели под ногами, и каждый звук казался оглушительным в этой тишине. На техническом этаже пахло пылью, нагретым пластиком, чем-то сладковатым — возможно, крысиным ядом. Она миновала ряды серверных стоек, где мерцали зелёные лампочки, и нашла люк. Задвижка поддавалась с лёгким скрежетом, она приподняла крышку и выглянула в коридор.

Седьмой этаж встретил её мягким, приглушённым светом. Здесь не было люминесцентных ламп, как в паркинге, и не было дневного света, как в холле. Здесь горели бра на стенах — тёплые, жёлтые, они создавали ощущение не коридора, а жилого пространства. Пол был покрыт ковролином — бежевым, толстым, приглушающим шаги. Стены — не крашенный бетон, а панели из светлого дерева. На них — картины. Не репродукции, не постеры, а настоящие картины, масло, пейзажи. Сосновый лес, озеро на закате, поле с васильками.

Она выбралась из люка, закрыла его за собой, огляделась. Коридор уходил в обе стороны, но она интуитивно выбрала направление, где свет был чуть ярче, где чувствовалось присутствие жизни. Шла медленно, считая шаги, фиксируя каждую деталь. Дверей здесь было немного — три по правой стороне, две по левой. Все из того же светлого дерева, без номеров, без табличек. Одна из дверей была приоткрыта, и из неё лился свет.

Марина подошла ближе, стараясь ступать бесшумно. Сердце колотилось так, что пульс отдавался в висках, в кончиках пальцев, в горле. Она не знала, что увидит за этой дверью. Её профессиональная интуиция, натренированная годами работы, рисовала картины одна мрачнее другой. Тюремная камера для неугодных свидетелей. Комната пыток, где допрашивают тех, кто слишком много знает. Склад улик, которые Кротов собирает на своих жильцов. Или — самое страшное — место, где держат человека против его воли. Ту самую горничную, которая упала с лестницы? Ту, что утверждала, что её толкнули?

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоить сердце, и заглянула в щель.

То, что она увидела, разрушило все её версии. Разрушило мгновенно, безжалостно, оставив вместо них зияющую пустоту.

Это была комната без окон. Но в ней не было темноты. Мягкий, ровный свет исходил от потолочных панелей, которые имитировали небо — чистое, голубое, с редкими облаками. На одной стене висел большой экран, на котором транслировался идеальный рассвет в сосновом лесу. Сосны, тёплый свет, капли росы на иголках — изображение было настолько реалистичным, что на секунду Марине показалось, что она слышит запах хвои.

В комнате пахло ландышами и масляными красками. На столе — мольберт, палитра, кисти в стакане. Рядом — открытая банка с скипидаром. На полу — капли краски, засохшие, разноцветные. На стенах, там, где не было экрана, висели картины. Нежные, акварельные, немного наивные — цветы, деревья, девушка с зонтиком под дождём. За столом, спиной к Марине, сидела девушка. Она была в простой хлопковой футболке и мягких штанах, светлые волосы собраны в небрежный хвост. В ушах — большие наушники, из которых доносилась едва слышная музыка — классика, кажется, Шопен. Она рисовала. Тонкой кистью выводила что-то на листе, склонив голову к плечу, полностью погружённая в процесс.

Марина стояла в проёме, не в силах двинуться. Всё её тело, настроенное на опасность, на борьбу, на столкновение с чем-то тёмным, вдруг потеряло опору. Мышцы, напряжённые до дрожи, не знали, куда деть накопившуюся энергию. Сердце всё ещё колотилось, но теперь этот стук был не от страха, а от растерянности.

Девушка, должно быть, почувствовала её взгляд. Она отложила кисть, сняла наушники и медленно повернулась.

Марина увидела её лицо — юное, почти детское, с пухлыми губами и большими серыми глазами. Ей было лет девятнадцать, может быть, двадцать. Никаких следов насилия, никакого страха в глазах. Только удивление, спокойное, без паники. Как у человека, который привык, что в его комнату иногда заходят.

— Вы новый доктор? — спросила она, и голос у неё был звонкий, чистый, совсем детский. — А где Дмитрий?

Марина молчала. Внутри что-то рушилось с грохотом, который, наверное, был слышен только ей. Её стройная версия, её уверенность, её профессиональная интуиция, которая никогда её не подводила — всё это рассыпалось, как картонный домик, на который дунули.

— Дмитрий обычно приходит по вторникам, — продолжала девушка, не дождавшись ответа. — Сегодня же вторник? Или я перепутала?

Марина посмотрела на свои ботинки — грязные, с толстой подошвой, стоящие на бежевом ковролине. Она посмотрела на свои руки, которые всё ещё дрожали от избытка адреналина. Она посмотрела на девушку, которая сидела за мольбертом и рисовала сосны, глядя на экран с идеальным рассветом.

— Я не доктор, — сказала она, и её голос прозвучал чужим — хриплым, сдавленным. — Я... я ошиблась дверью.

Девушка наклонила голову, разглядывая Марину с любопытством.

— А вы кто? — спросила она без страха. — Вы похожи на полицейского. У вас взгляд такой. Дмитрий тоже так смотрит, когда я его не слушаюсь.

Марина не знала, что ответить. Она чувствовала, как по спине течёт холодный пот, как пальцы немеют. Она, которая всегда знала, что сказать, которая могла прочесть человека за три секунды и выбрать нужные слова, сейчас стояла, как парализованная, перед девушкой с акварелью и понимала одно: она совершила профессиональную ошибку.

Она влезла туда, куда её не звали. Она нарушила границы, которые должна была уважать. Она построила версию на обрывках разговоров, на своей паранойе, на привычке искать тень там, где есть только свет. И теперь она стояла здесь, в чужой комнате, перед чужим ребёнком — потому что эта девушка, несмотря на свои девятнадцать, была ребёнком, это было написано на её лице, в её голосе, в её картинах, — и не знала, как уйти, не сделав хуже.

— Меня зовут Марина, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Я работаю здесь... недавно. Я заблудилась. Простите, что побеспокоила.

Девушка улыбнулась — открыто, доверчиво.

— Ничего страшного, — сказала она. — Здесь часто путают этажи. Дмитрий говорит, что лифт специально так сделали, чтобы никто случайно не заехал. Но вы же пришли не на лифте, да? Вы пришли через люк. Я слышала, как он скрипел.

Марина почувствовала, как кровь приливает к лицу. Её разоблачила девушка, которая рисует сосны в комнате без окон.

— Да, — сказала она честно. — Через люк. Я... мне нужно было кое-что проверить.

— И что вы проверили? — девушка снова взяла кисть, обмакнула в краску, провела по листу, не глядя на Марину. — Вы нашли то, что искали?

Марина посмотрела на её руки — тонкие, с длинными пальцами, испачканные в краске. На мольберте рождался сосновый лес — мягкий, светлый, почти прозрачный. На экране за её спиной разгорался рассвет, и в этом искусственном, сконструированном мире было что-то невыносимо трогательное. Как будто кто-то очень старался создать для этой девушки идеальное утро, потому что настоящего у неё не было.

— Я нашла то, что искала, — сказала Марина, и это была правда. Она нашла не то, что ожидала, но, возможно, то, что должна была найти.

— Дмитрий говорит, что правда всегда лучше, чем выдумки, — задумчиво сказала девушка, не отрываясь от рисунка. — Но я думаю, это зависит от того, какая правда. Иногда выдумка добрее.

Она замолчала, и Марина поняла, что разговор окончен. Она стояла на пороге её комнаты-кокона, где не было окон, но были нарисованные сосны и ландышевый запах, и чувствовала, как внутри нарастает тяжесть. Стыд. Не тот острый, который проходит через пять минут, а тот, глубокий, который остаётся на дне и напоминает о себе каждый раз, когда ты смотришь в зеркало.

Она ошиблась. Профессионал с двадцатилетним стажем, психопатолог, кадровик, следователь — она построила версию на своих страхах, на своей привычке подозревать худшее, на своём неумении видеть в людях не только тени. Она пришла сюда, ожидая найти тюремную камеру или место пыток, а нашла девушку, которая рисует сосны.

Кто она? Почему она здесь? Почему у неё нет окон? — эти вопросы всё ещё жужжали где-то на задворках сознания, но сейчас они были не главными. Главным был стыд. За свою слепоту. За свою самоуверенность. За то, что она, которая учила других видеть человека, сама разучилась это делать.

— Извините меня, — сказала Марина тихо. — Я пойду.

— Приходите ещё, — ответила девушка, не оборачиваясь. — Дмитрию будет интересно с вами познакомиться. Он редко приводит гостей. И Оскара приносите. Я люблю котов.

Марина замерла. Оскара? Откуда она знает про Оскара?

— Вы приходили с ним вчера в паркинг, — сказала девушка, словно прочитав её мысли. — Я видела в окно. Мне нравится, как он сидит в переноске. У него мудрые глаза.

Она наконец повернулась к Марине, и в её серых глазах мелькнуло что-то живое, не детское. Понимание.

— Не переживайте, — сказала она. — Я никому не скажу, что вы пришли через люк. У каждого должны быть свои секреты.

Марина кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и вышла в коридор. Дверь за ней закрылась, и она снова осталась одна в мягком свете бра, среди картин с сосновыми лесами.

Она шла к люку, и каждый шаг давался с трудом. Ноги были ватными, руки тряслись, в горле стоял ком. Она, которая никогда не плакала на работе, которая умела держать лицо при любых обстоятельствах, сейчас едва сдерживала слёзы. Не от жалости к девушке — она, казалось, не нуждалась в жалости. От стыда за себя.

Она открыла люк, спустилась на технический этаж, прошла мимо серверных стоек, мимо запаха пыли и нагретого пластика. На лестнице, ведущей вниз, она остановилась, прислонилась спиной к холодной бетонной стене и закрыла глаза.

В голове крутилась одна и та же фраза, которую она когда-то сказала Кире Вадимовне: «Я умела читать почерк подозреваемых, но забыла, какой у меня самой». Теперь она добавила к этому: она разучилась видеть людей. Она видела только версии, схемы, улики. Она забыла, что за каждой схемой стоит живой человек, со своей болью, со своими секретами, со своим правом на эти секреты.

Марина спустилась на первый этаж, прошла по коридору мимо дверей служебных квартир. Возле своей — номер 103 — она замедлила шаг, но не вошла. Вместо этого она повернула к выходу, вышла во внутренний двор, где пахло холодом и мусорными баками, и встала, глядя на серое небо.

Ветер дул в лицо, сухой, колющий, он выстудил щёки, заставил глаза слезиться. Она стояла, втягивая этот холод, пытаясь им промыть то, что накопилось внутри.

Ошибка. Она совершила ошибку. Не ту, за которую увольняют или лишают премии. Ту, которая тяжелее любого служебного провала, потому что за ней — человеческая судьба. Девушка с картинами. Кротов, который вытащил её из огня десять лет назад и теперь прячет от мира в комнате без окон. Почему прячет? Зачем? Что с ней случилось?

Вопросы вернулись, но теперь они звучали иначе. Не как улики для расследования. Как вопросы к себе. К тому, что она перестала видеть.

Марина вернулась в квартиру, когда Оскар уже начал беспокоиться. Он сидел на пороге, глядя на дверь жёлтыми глазами, и когда она вошла, громко мяукнул — осуждающе, по-хозяйски.

— Всё в порядке, — сказала она ему, опускаясь на колени, чтобы погладить его. — Я просто... ошиблась.

Оскар посмотрел на неё, потом запрыгнул на кровать, улёгся, положив голову на её подушку. Она села рядом, взяла его за лапу, чувствуя, как подушечки пальцев касаются мягкой шерсти между пальцами. Он не вырывался, позволял держать.

— Там девушка, — сказала она тихо. — Она рисует. Она знает про тебя. И она сказала, что у каждого должны быть свои секреты.

Оскар смотрел на неё, и в его жёлтых глазах не было осуждения. Только спокойствие. Мудрость, которой у котов больше, чем у людей. Он не спрашивал, почему она туда пошла. Он не говорил, что она сделала неправильно. Он просто был рядом.

Марина легла, прижалась щекой к его тёплому боку, чувствуя, как под шерстью бьётся ровное, спокойное сердце. За окном смеркалось, в техническом дворе зажигались фонари, и их жёлтый свет падал на мусорные контейнеры, на голубей, на обрывок плёнки, который ветер всё так же гонял по асфальту.

Она закрыла глаза и увидела комнату без окон. Сосны на экране. Девушку с кистью. И Кротова с ожогами на руках, который десять лет назад вытащил её из огня и, наверное, до сих пор пытается защитить от всего мира.

Марина думала, что пришла в этот комплекс, чтобы расследовать утечку информации. Она думала, что будет искать крота. Но теперь она понимала: настоящее расследование только начинается. И оно касается не чужих тайн. Оно касается её. Её способности видеть. Её готовности ошибаться. И её права — после всех ошибок — начать сначала.

Оскар мурлыкнул, и она почувствовала, как его вибрация разливается по телу, согревая, успокаивая.

— Завтра, — прошептала она в темноту. — Завтра я всё исправлю.

Но она не знала, как. И это было самое страшное.

Она провалилась в сон, и в этом сне не было ни пожаров, ни рассветов. Только сосновый лес, нарисованный акварелью, и девушка, которая смотрела на неё серыми глазами и говорила: «У каждого должны быть свои секреты».

Когда Марина проснулась, было уже утро. Оскар сидел на подоконнике и смотрел во двор, где сотрудники уже тащили тележки с инвентарём, курили, смеялись. Жизнь шла своим чередом, и никто не знал, что вчера вечером капитан Корнева, специалист по кадровому аудиту, проникла туда, куда не должна была, и нашла там не доказательства преступления, а доказательство собственной слепоты.

Она умылась, оделась, взяла ноутбук. На экране всё ещё было открыто личное дело Кротова. Фотография молодого майора смотрела на неё дерзким, прямым взглядом.

Марина закрыла файл, удалила сообщения от Громова. Всё, что она узнала прошлой ночью, останется с ней. Но это знание не даёт ей права лезть туда, где её не ждут. Не даёт права судить. Не даёт права строить версии, не увидев человека.

Она надела пальто — то самое, из прошлого сезона, без логотипов, — взяла сумку, переноску с Оскаром и вышла в коридор.

Сегодня у неё была встреча с Кротовым. В десять. В его кабинете.

Она не знала, о чём они будут говорить. Она не знала, скажет ли ему, что была на седьмом этаже. Она не знала, как посмотрит ему в глаза после вчерашнего.

Но она знала одно: она больше не будет смотреть на людей как на открытые книги, которые можно прочитать за три секунды. Потому что за каждой страницей — целая жизнь. И чтобы её понять, нужно не читать, а слушать.

Марина вышла во двор, и ветер снова ударил в лицо, но теперь он казался ей не холодным, а... очищающим. Как будто он сдувал с неё пыль старых привычек, старых ошибок, старых страхов.

Оскар в переноске завозился, устраиваясь поудобнее. Она погладила его через ткань, чувствуя тёплый, живой комочек, который был с ней дольше, чем любой человек.

— Ну что, малыш, — сказала она. — Пошли учиться видеть заново.

Он не ответил, но она знала, что он согласен. Коты всегда соглашаются, когда их несут вперёд, а не назад.

Глава 5. Хозяин «Силуэта»

В десять утра Марина стояла перед дверью кабинета Кротова на пятом этаже делового крыла. Дверь была массивной, из тёмного дуба, без таблички, без намёка на то, кто находится за ней. Только едва заметная царапина на ручке — след от ключа, который вставляли второпях, дрожащей рукой. Она заметила эту царапину сразу. Её пальцы коснулись гладкого металла, и она нажала.

Кабинет оказался пуст. Свет горел, на столе стояла чашка с остывшим кофе, в воздухе висел запах табака и дорогой кожи. Марина вошла, огляделась. Ничего лишнего: стол, два кресла, шкаф с папками. На стене — карта города, испещрённая пометками. Ни фотографий, ни наград, ни намёка на личную жизнь. Только на подоконнике — детский рисунок, приколотый кнопкой к жалюзи. Она не стала подходить ближе, но краем глаза разглядела яркие пятна: солнце, дом, дерево. Подпись корявыми печатными буквами: «Папе».

Она ждала пятнадцать минут. Тишина в приёмной за спиной была неестественной — секретарша, которая проводила её сюда, исчезла, и даже её компьютер не гудел. Марина сидела в кресле, чувствуя, как медленно закипает раздражение. Кротов назначил встречу сам, и теперь он опаздывал. Это могло быть проверкой, а могло — обстоятельствами, о которых она не знала.

На двадцатой минуте она встала, решив уйти. Но в коридоре столкнулась с Кировой Вадимовной.

— Он в паркинге, — сказала та, и в её голосе прозвучало что-то, похожее на усталую усмешку. — Машина приказала долго жить. Или он приказал ей. Идите, он вас ждёт.

Она повернулась и ушла, не добавив ни слова. Марина смотрела ей вслед, гадая, что за отношения связывают эту сухую, выверенную женщину с человеком, который вместо встречи в кабинете возится с железом в подземелье.

Лифт спустил её на уровень минус один. Паркинг встретил всё тем же гулом люминесцентных ламп и запахом бетона. Марина прошла к тому месту, где вчера стоял его внедорожник. Машина была на месте, но теперь она стояла, задрав капот, а рядом, на брезенте, был разложен целый арсенал инструментов.

Кротов сидел на корточках перед мотором, и, судя по количеству масляных пятен на его руках и лице, он был здесь уже давно. Рядом, на полу, валялся мобильный телефон — экран разбит, но, кажется, ещё работал.

— Вы опоздали, — сказала Марина, подходя.

— А вы нетерпеливы, — ответил он, не поднимая головы. — Я знаю. Видел в вашем личном деле: «Излишняя требовательность к соблюдению сроков может создавать конфликтные ситуации в коллективе». Это вам написали перед увольнением?

Она промолчала. Он поднял голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то — не насмешка, скорее проверка. Он ждал реакции.

— Вы читали моё личное дело, — сказала Марина, и это был не вопрос.

— Я читал личное дело каждого, кто работает в этом комплексе, — он вытер руки ветошью, оставляя на ней новые масляные разводы. — В том числе тех, кто приходит на две недели. Это не паранойя. Это... опыт.

Он замолчал, и она поняла, что он ждёт отчёта. Марина начала говорить о том, что увидела за два дня: о структуре коллектива, о трёх неформальных группах, о Зинаиде Павловне, которую сторонятся, но уважают. Он слушал, не перебивая, иногда кивая, но она чувствовала, что его мысли где-то далеко. Его руки, лежащие на коленях, были напряжены, пальцы сжаты в кулаки, и она заметила, как мелко дрожит указательный на правой — тот самый, на котором шрам от ожога уходил под рукав.

— Вы не слушаете, — сказала она.

— Слушаю, — он поднял голову. — Но вы говорите не то, что думаете. Вы думаете о девушке на седьмом этаже.

Сердце Марины пропустило удар. Она смотрела на него, чувствуя, как лицо заливают жар. Он знал. Конечно, он знал. В этом комплексе камеры были везде, а она, самоуверенная дура, полезла через люк, как нашкодивший подросток.

— Я... — начала она.

— Не надо, — он поднял руку, останавливая её. — Не надо оправданий. Я бы на вашем месте сделал то же самое. Вы искали то, что не давало вам покоя. И нашли.

Он встал, и она увидела, как он устал. Не физически — он был сильным, поджарым, с жилистой шеей и широкими плечами, которые, казалось, могли выдержать любую тяжесть. Но глаза выдавали его. Под ними залегли глубокие тени, и морщины у рта стали резче, чем вчера.

— Кто она? — спросила Марина, и в её голосе не было профессионального любопытства. Только тихая, почти робкая просьба о правде.

Кротов посмотрел на неё долгим взглядом. Потом перевёл глаза на свой разбитый телефон, на инструменты, на машину, которую пытался починить, но, кажется, бросил это занятие.

— Пойдёмте, — сказал он. — Здесь не место для таких разговоров.

Он закрыл капот, собрал инструменты, сунул их в багажник. Марина стояла рядом, чувствуя, как бетонный холод пробирается сквозь подошву ботинок. Он взял её за локоть — жест был неожиданным, но не навязчивым, скорее поддерживающим, — и повёл к лифту.

Они шли по серому коридору, и Марина слышала шаги сзади. Не свои, не Кротова — третьи. Оборачиваться было нельзя — профессиональная привычка не показывать страх. Она ускорила шаг, Кротов синхронно. Шаги тоже ускорились. Прямо перед лифтом Марина резко обернулась. Никого. Пустой коридор, стерильный свет, только на полу — лужица. Не воды. Масла. Свежая, ещё блестит. Кротов посмотрел на неё и молча нажал кнопку вызова. В лифте они стояли слишком близко. Она чувствовала его запах — не табак, не пот, а что-то горькое, как миндаль. Яд? Или её собственный страх? Двери закрылись, и в зеркале кабины она увидела своё лицо. Бледное, с расширенными зрачками. Только что здесь был кто-то ещё. И этот кто-то знал, куда они идут.

Они поднялись не в деловое крыло и не в его кабинет. Лифт поехал на седьмой этаж — туда, где она была вчера. Марина напряглась, но он не обратил внимания. Они вышли в коридор с мягким светом, прошли мимо комнаты, где вчера рисовала девушка, и остановились у последней двери. Кротов приложил ладонь к сенсорной панели, замок щёлкнул, и дверь открылась.

Его квартира была не похожа на кабинет. Здесь было тепло, пахло деревом и табаком, и в этой теплоте было что-то... домашнее. Просторная гостиная с низким диваном, обтянутым тёмной кожей, книжные стеллажи от пола до потолка, на стенах — фотографии в чёрных рамках. Марина не успела разглядеть их, потому что он провёл её дальше, в комнату, которая, судя по всему, служила ему кабинетом. Здесь было меньше уюта и больше порядка: стол, компьютер, стопки папок. Но на столе стояла чашка с недопитым чаем, и на краю папки лежала детская заколка — розовый бантик, зацепившийся за скрепки.

— Садитесь, — он указал на кресло, а сам сел напротив, за стол.

Марина села, чувствуя, как спина напряжена, как пальцы сами собой сжимаются в замок на коленях. Он смотрел на неё, и она смотрела на него. Тишина затягивалась, и в этой тишине она слышала своё дыхание, слишком частое, и его — ровное, глубокое, как у человека, который готовится к прыжку.

— Я хочу извиниться, — сказала она первой, потому что молчать дальше было невозможно. — За вчерашнее. Я не имела права лезть туда без разрешения. Это нарушение всех профессиональных норм.

— Нарушение профессиональных норм, — повторил он, и в его голосе прозвучала горечь. — Вы думаете, меня волнуют профессиональные нормы? Марина Сергеевна, я десять лет живу в нарушении всех норм. Я построил этот комплекс, чтобы защитить её. Я купил камеры, консьержей, охрану, чтобы никто не знал, что она здесь. Я плачу врачам, психологам, учителям, которые приходят к ней, потому что она не может выйти на улицу. И я до сих пор не знаю, правильно ли я сделал.

Он замолчал, провёл рукой по лицу, и она увидела, как его пальцы дрожат. Тот же дрожащий указательный, что и в паркинге. Она поняла, что этот человек не спал много ночей. Может быть, лет.

— Её зовут Алиса, — сказал он тихо. — Ей двадцать. Она моя дочь.

Марина ждала продолжения, но он смотрел куда-то в сторону, на фотографию на стене. Она проследила за его взглядом и увидела то, что не заметила раньше: снимок, сделанный на плёнку, чуть выцветший. Молодая женщина с ребёнком на руках — девочкой лет трёх, в пушистом комбинезоне. Женщина улыбалась, и в этой улыбке было столько света, что, глядя на неё, хотелось улыбнуться в ответ.

— Это её мать, — сказал Кротов. — Екатерина. Она погибла в той аварии. Десять лет назад. Вы нашли заметку, я знаю.

— Откуда вы...

— Кира Вадимовна сказала, что вы запрашивали вчера у Громова моё личное дело. Она всё ещё работает в системе, и у неё есть доступ. Она же предупредила меня, что вы полезли на седьмой этаж.

Марина почувствовала, как краска заливает лицо. Её просчитали с самого начала. Каждое её действие было под наблюдением, каждый шаг — проанализирован. И всё же она не чувствовала злости. Только странное облегчение. Наконец-то всё выйдет наружу.

— Я не хотел делать из этого тайну, — продолжал он, и в его голосе появилась хрипота. — Но вы видели, как реагируют люди, когда узнают. Она не опасна. Она просто... застряла. В том дне, когда всё сгорело.

Он встал, подошёл к окну. За окнами уже темнело, и первые капли дождя начали разбиваться о стекло. Марина смотрела на его спину — прямую, напряжённую, — и думала о том, что он сейчас расскажет то, что никому не рассказывал. Или рассказывал, но те, кто слушал, не понимали.

— Я был следователем по особо важным делам, — начал он, не оборачиваясь. — Вы это знаете. В ту ночь я возвращался со служебного задания, ехал по трассе. Увидел дым. Машина лежала в кювете, перевернутая, уже горела. Я остановился, подбежал. Водительская дверь была зажата, из салона шёл дым. Я слышал крик. Детский крик.

Он замолчал, и она услышала, как он дышит — тяжело, с надрывом. Она не торопила. В комнате стало душно, и она машинально расстегнула верхнюю пуговицу кителя. Жест, который она никогда не позволяла себе на людях, даже в самой неформальной обстановке. Сейчас ей было всё равно.

— Я выбил стекло, — продолжил он. — Рукой. Схватил девочку, вытащил. А мать... она была уже мертва. Руль вдавило в грудь, и она не кричала. Она смотрела на меня. Прямо перед тем, как я вытащил ребёнка, она посмотрела на меня и сказала... она не сказала, она прошептала: «Спаси её». И умерла.

Он повернулся, и Марина увидела его лицо. Оно было серым, как бетон паркинга, и глаза — тёмные, бездонные — смотрели на неё с такой болью, что у неё перехватило дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.